

Ирина Нечаева
Гончая. Корабль-призрак



Ирина Нечаева

Гончая. Корабль-призрак

«Издательские решения»

Нечаева И.

Гончая. Корабль-призрак / И. Нечаева — «Издательские решения»,

Юному штурману Рудольфу Эрману снятся белые паруса, смоленые веревки и пиратские карты, а жизнь предлагает ему уродливые паромы и бесконечные бумаги. Но однажды в гавань города Гамбурга входит деревянный фрегат — копия корабля семнадцатого века. Служба на исторической реплике оказывается полна странностей и загадок. Впрочем, реплика ли это? Книга о море, об известных и неизвестных морских легендах, о быте парусных кораблей — регатах, штормах и штилях, фестивалях и праздниках.

© Нечаева И.

© Издательские решения

Содержание

Гончая	6
Помощник капитана	7
Солнечный свет	10
Королевский шиллинг	14
Иммрам4	17
Обитатель брашпиля	20
Post non est propter5	24
Официальное лицо	28
Седьмой час ночи	32
Сага об исландцах	36
Penny Post	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Гончая. Корабль-призрак

Ирина Нечаева

© Ирина Нечаева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Гончая

*Простит ли нас наука за эту параллель,
За вольность толкований и теорий?
Но если уж сначала было слово на земле,
То это, безусловно, слово «море».*

Владимир Высоцкий

Помощник капитана

*И вдоль прибрежных городов
летит сигнал быстрее вдоха:
Сгорела, кончилась эпоха
великих парусных судов.
The Dartz, «Kammi Capk»*

В день, когда мне исполнилось двенадцать, случилась встреча, определившая всю мою дальнейшую жизнь. Утром я спустился в гостиную раньше всех и первым делом, естественно, приступил к разворачиванию подарков. В первой же коробочке обнаружился бумажник из лакированной кожи, и я приуныл, поняв, что все остальные подарки тоже будут «практичными» и «полезными». И сразу полез к самому большому прямоугольному свертку, чтобы поскорее справиться с самым большим разочарованием.

До сих пор не знаю, как моим родителям пришло в голову сделать мне этот подарок. Наверное, отец просто спросил, чего бы купить для мальчика моего возраста, а как раз в тот день в магазин завернул какой-то добрый ангел, принявший облик продавца. Мой отец был бухгалтером и самым неромантичным человеком в мире – наверное, даже в детстве он читал по ночам учебник математики и играл с логарифмической линейкой. Матери же просто в голову бы не пришло, что двенадцатилетний пацан может интересоваться книгами.

Да, в свертке оказались книги. Восемь одинаковых томов в сине-белых обложках с золотой надписью «Лучшие морские романы для юношества». Понятно, что я, с моим-то воспитанием, был не в восторге и от этого подарка. Для чего-то брезгливо потыкав первый том пальцем, я все же его раскрыл – из вежливости, что ли.

«И вот в нынешнем 17... году я берусь за перо и мысленно возвращаюсь к тому времени, когда у моего отца был трактир „Адмирал Бенбоу“ и в этом трактире поселился старый загорелый моряк с сабельным шрамом на щеке».

В ту самую минуту я пропал навсегда. В моих снах поселились гулкие белые паруса и абордажные сабли, пиратские сокровища, морские карты и корсарские корабли... А ведь тогда я еще ни разу не видел моря и никогда не ступал на палубу. Что там, в моем родном Лохмаре не было даже толковой реки – я корабль-то живьем увидел уже в морской школе. Ясное дело, меня никто не понимал. У моих друзей были другие герои – трансформеры, или супергерои из комиксов, ну а у тех, кто любил читать, – мушкетеры или эльфы. В библиотеке на меня смотрели криво, но разнообразные «Штурманские практики» и «Курсы навигации» все же выдавали. Родители моей «блажи», как они выражались, тоже не одобряли. Меня ждали Боннский университет, юриспруденция и место в отцовской фирме. Но если уж море позовет кого, то это навсегда, и когда мне сравнялось шестнадцать, я стал курсантом шлезвиг-гольштейнской школы моряков.

При столкновении с реальностью все мои мечты, само собой, жалобно треснули, но все же устояли. Я же совсем сосунком был, крысенком сухопутным, и свято верил, что «Навигации» Кальтенбаха и Альбрехта – «Навигациями», но в моей жизни будут и штурвалы, и потертый секстант¹, и подозрительная труба, и просмоленные шкоты... Инженерная графика, менеджмент, сталь, пластик и заумные приборы мало соответствовали моим представлениям о романтике. Но учился я более-менее прилежно, да и отдушина все же нашлась – учебная шхуна «Святая Мария». Каждое лето я выходил на ней в море – волонтером, практикантом, матросом, в последний раз даже штурманом – и тут уже старался как черт. Капитан меня отмечал и даже

¹ Объяснения морских терминов можно найти в глоссарии в конце книги

звал после окончания школы к себе, но как-то меня эта перспектива не радовала. Ходить из года в год одними и теми же маршрутами, учить курсантов, разбираться с волонтерами... Надо сказать, что в наше время решительно во всех местах, где предполагается романтика, девчонок будет не меньше, чем парней. Вот и на «Святую Марию» каждый год приходили девушки – глаза горят, на все ради моря готовы – а первая же мозоль оборачивается катастрофой и слезами, не говоря уж о проблемах с горячей водой. Ну и что с ними делать?

В общем, неделю после торжественного выпуска я шатался по вольному ганзейскому городу Гамбургу и размышлял о своей жизни и о том, что же с ней делать. Пришлось признать себе, что современный флот меня на самом деле вовсе не прельщает. Да тут еще статья на глаза попала, восторженно захлебывающаяся, – о любителях древности, выстроивших себе деревню по образцу поселений десятого века. Живут там, хлеб сеют, коз разводят и прекрасно себя чувствуют. Экскурсии принимают... Вот почему никто так корабли не реконструирует? Нет, есть, конечно, так называемые реплики – «Батавия», уныло стоящая у причала, «Эндевор», «Гётеборг», «Золотая лань», «Штандарт» – но это не корабли в первую очередь, а «проекты». Слово-то какое, тьфу. Сам бы занялся, но ведь денег на это нужно немерено, а на «Святой Марии» много не заработаешь.

Приготовившись уже отправиться на шхуну и сообщить о своем согласии, я сидел в порту и страдал напоследок по несбывшимся мечтам, когда вдруг увидел, как в гавань медленно входит большой парусник. Поначалу я толком не обратил на него внимания, сочтя очередным учебным корытом или, того хуже, плавучим рестораном, но по мере того, как он подходил к понтону, оказалось, что это превосходнейшая историческая реконструкция трехмачтового фрегата. Конец семнадцатого века по грубой прикидке. Он был велик и притом очень изящен, и, видно, только что оттимберован. Дубовые борта, розоватая медь обшивки, стройные мачты, реи идеальны выровнены, ванты обтянуты – нигде ни малейшей небрежности... И шел он, как на параде, – под всеми парусами, вымпел гордо развевается. Ох и мастер у них у штурвала стоит... Красиво, черт возьми. Правда, имени его я сходу не вспомнил, но это говорило скорее обо мне, чем о корабле.

Короче говоря, к тому моменту, как с фрегата подали кормовой швартов, я уже чуть носом в борт не уткнулся. Стоял, задрал голову, и разглядывал его, как в детстве витрины игрушечных магазинов перед Рождеством.

– Ты с таким вождением смотришь, что впору в суд подавать за домогательства, – раздался веселый голос где-то сбоку: – нравится?

Говоривший оказался невысокой худой девицей, рассматривавшей меня с безжалостным любопытством натуралиста.

– Язык проглотил? – поинтересовалась она насмешливо, но не зло.

Я вроде бы кивнул. Потом вспомнил какие-то слова, спросил:

– Ты с этого корабля?

– Да. Джо, второй помощник, – она протянула мне маленькую жесткую ладонь.

– Рудольф. Вам люди не нужны?

– Ты грота-стаксель от норд-веста отличишь, морской волк? – осведомилась она с добродушным презрением.

– И даже грота-стаксель от грот-марселя, – в тон ответил я, – дипломированный штурман.

– О как. Тогда собери документы, рекомендации, если есть, и дуй к капитану, он решит. Потому что вакансия у нас как раз есть. Жду.

Последнее слово она договаривала уже мне в спину – у меня было ощущение, что если я не потороплюсь, фрегат исчезнет так же, как и появился. Обернувшись на ходу, я прочитал жарко начищенные буквы. «Hound». «Гончая».

Капитан несколько расстроился, но рекомендации мне дал с большим удовольствием (судя по тому, что я заметил при мимолетном взгляде на бумагу, моему умению обращаться

с парусами и прокладывать курс позавидовал бы сам Френсис Дрейк). Поинтересовался, куда я собираюсь. Удивился. Пожелал удачи, заметив, что она мне понадобится. И напоследок сказал, что в случае чего его предложение остается в силе.

После таких проводов на «Гончую» я шел с некоторой опаской. Похоже, кого попало с улицы туда не брали. Ладно, попытка не пытка.

Джо ждала прямо у трапа.

– Явился! – просияла она и сразу потащила меня куда-то, ухватив за рукав. У дверей же капитанской каюты остановилась и проинструктировала: – капитана зовут Ричард Кэссиди. Только ничего не бойся и ничему не удивляйся.

Как вы думаете, есть ли в мире человек, который после такого предупреждения не будет удивляться и бояться? Вот и я сразу испугался окончательно.

Но Джо смотрела на меня выжидающе, и я шагнул в каюту, предварительно постучав.

– Здравствуй, сэр, – поздоровался я.

– Добрый день. Полагаю, вы Рудольф.

Быстро пролистав мои бумаги, капитан перешел на немецкий – безусловно правильный, разве что немного слишком литературный.

– Вы служили на «Святой Марии»? – удивился он, но почти сразу же сказал, как мне показалось, разочарованно: – ну да, конечно... Что ж. Ваша квалификация кажется мне достаточной, основное испытание вы выдержали.

Какое такое испытание?!

– Не вижу никаких препятствий к тому, чтобы вы заняли место третьего штурмана. Если вы, конечно, не возражаете.

Прекраснейший корабль в мире готов принять меня на борт, *если я не возражаю?!*

– Да я хоть до конца света готов у вас работать! – выпалил я.

Наверное, зря. Наверное, надо было уточнить условия и что там еще делают приличные люди при приеме на работу, да еще и согласиться как бы нехотя. Но я впервые в жизни был уверен в своей дальнейшей судьбе, и бодро добавил еще, идиот, не заметив сразу, как помертвел лицом капитан:

– Будь это хоть Летучий Голландец, я бы все равно не отказался.

Восторженность моя капитана Кэссиди, мягко говоря, не порадовала. Наверное, таких лопухих юнцов, как я, он каждый день по два десятка отваживает. Во всяком случае, каждое последующее слово он вытаскивал из себя с явным усилием:

– Ну что ж... Весьма похвальный энтузиазм. Очень надеюсь, что вам у нас понравится – другого выхода у вас просто нет.

Как это нет выхода? Меня тут к веслу прикуют? Впрочем, меня это мало волновало.

– Добро пожаловать на борт, Рудольф, – прибавил капитан, снова улыбаясь. – Формальности уладите с Джоанной. И не переживайте так, на вас лица нет. Все будет хорошо. Пойдемте на палубу.

Он самолично распахнул передо мной дверь, и в солнечном столбе, падающем из светового люка, на секунду показался мне персонажем со старой черно-белой фотографии, как будто выцвел слегка. Мы поднялись на палубу, к ожидающей нас Джо.

– Джо, покажите Рудольфу корабль, – по-английски приказал капитан и снова скрылся в трюме.

– Пойдем-пойдем, – Джо снова потянула меня куда-то. – Видишь, а ты боялся...

Я медленно шел по палубе фрегата и думал, что на этом корабле все-таки найду то, что искал всю сознательную жизнь. А потом тайком погладил теплый шершавый планширь и понял, что чувствовали рыцари, достигшие Святого Грааля.

Солнечный свет

*Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг – суда уплыли прочь.*

Александр Блок

Вахты на «Гончей» оказались расписаны как-то странно. Мало того, что совсем не так, как я привык, так еще и совсем нелогично. Ну ладно, мне под начало отдали вахту бизани, и свои восемь часов, с восьми до двенадцати утром и вечером, я стоял исправно. Оставшиеся восемь часов светлого времени делили между собой другие два штурмана, а с полуночи до утреннего построения на мостике царил сам капитан. Когда я спросил, почему так, Джо даже как-то растерялась:

– Так получилось. Ну, пока нас трое было, так было всем удобнее. Давай подумаем, как по-другому сделать. Правда, ночные вахты нужно кэпу оставить, а то он по ночам не спит обычно.

Единственный раз, когда я видел капитана Кэссиди днем, он тоже не спал. Выходил он обычно к ужину, наливал себе вина – пока мы стояли в порту, пьянство на «Гончей» не запрещалось, а даже поощрялось. Вертел в руках бокал, улыбался, рассказывал бесконечные морские байки – по-моему, большую часть их он где-то прочитал или сам придумал, хоть и выдавал за свою биографию – ведь не сто же ему лет, в конце концов. К вечеру же подтягивались и матросы капитанской вахты, отсыпавшиеся днем.

В общем, мои первые дни на «Гончей», совпавшие с днями порта в Гамбурге, проходили весело. Вопреки смутным страхам, управляться с кораблем и парусами у меня получалось неплохо, хотя Эльба – река не самая простая, да и движение на ней во время фестиваля было сумасшедшее, ребята в вахте оказались просто отличные, а с офицерским составом я вообще подружился сразу и накрепко. С ними оказалось интересно в сто двадцать пятый раз изучать морской музей Гамбурга, весело кататься на велосипедах под проливным дождем, замечательно пить пиво по вечерам и уютно курить бесконечные сигареты.

По-моему, этот билет оказался счастливым.

Вечером моего четвертого дня на «Гончей» – мы все еще стояли в Гамбурге и уходило пока не собирались – я поднялся на ют посмотреть, как работают кранцы и швартовы. Только что пробили восемь склянок, началась моя вахта и, хотя на берегу никаких обязанностей у вахтенного офицера, считай, нет, проблем не хотелось.

На борту было тихо и безлюдно, зато на берегу, чуть-чуть поодаль, сияла огнями и гремела музыкой ярмарка. Туда-то, скорее всего, и сбежала команда в полном составе, и туда же, наверное, пойдём и мы через час-другой. Я присел на ют и вытащил сигарету.

– И что это ты тут делаешь, интересно? – на мостик поднялся Рамсес.

Наш старпом Рамсес Салах – личность более чем примечательная. Он копт, и если бы не европейская одежда, то казалось бы, что по кораблю ходит ожившая древнеегипетская статуя. А если прибавить к этому его склонность со вкусом и знанием дела порассуждать о Египте да еще имя, пусть и обычное для коптов, – впечатление получалось не для слабых сердец.

– Курить – марш на бак, и радуйся, что тебя кэп не заметил. Иди-иди, я тут все сделаю.

– Что «все»? – поинтересовался было я, но заметил и сам: по реке медленно продвигалась красивая деревянная шхуна, явно намеревавшаяся пришвартоваться к нам вторым бортом.

– Ты что, один ее швартовать будешь?

– Да.

– Вахта моя, между прочим, – попытался возразить я.

– Рудольф, – в голосе Рамсеса послышалась свинцовая тяжесть, – иди на бак, пожалуйста. Я потом все объясню.

– Ну ладно.

Я послушно пошел с юта, здорово обидевшись, само собой. Тоже мне, великая тайна – пару концов принять. Спускаясь с трапа, я краем глаза заметил, что положенных ходовых огней у шхуны нет, а вместо них горят голубые фонари, словно бы окутывающие бледным светом контуры судна. Наверное, так и выглядят огни святого Эльма. Красиво конечно, но что, МППСС уже отменили? Мало ли, что праздник...

Тихонько бурча, я перелез через фальшборт, устроился на грот-руслене, все-таки закурил и принялся наблюдать за шхуной. Голубые огни погасли, двигалась она совсем бесшумно, и у меня даже возникло странное ощущение, что люди на берегу ее не видят. Хотя они, наверное, просто привыкли к парусникам за минувшие несколько дней фестиваля. Кстати, швартовать ее в одиночку Рамсесу не пришлось, ему помогли мои же собственные матросы, не отпущенные еще на берег. А меня никто не замечал, как будто меня вообще не было... Ну не сволочи ли?

– Не обижайся, ладно? – Джо подошла ко мне по планширю, как-то очень тихо, – сейчас Рамсес освободится, и пойдем гулять все вместе.

– Я на вахте, – буркнул я.

– Да брось, – махнула рукой Джо, присаживаясь рядом со мной на руслень, – у капитана гости, он всех отпустит.

И в самом деле, на борт поднялась троица в исторических костюмах. Не то чтобы я был против исторических костюмов, на историческом паруснике это довольно логично, вон, капитанская вахта из них в принципе не вылезает, да и на парусном фестивале такая форма одежды более чем естественна, но, черт возьми, можно же и что-нибудь другое надевать иногда...

– Хватит злиться, – улыбнулся Рамсес, появляясь так же бесшумно, как до этого Джо. – Встали оба и пойдем в бар. Рудольф, запомни, пожалуйста, что в море на приказы не обижаются. Если так надо, значит, так надо, и чтобы это было в последний раз.

В общем-то, злиться мне самому совершенно не хотелось, казаться дураком и сосунком тем более, так что подобной развязке я только обрадовался.

– Пойдем. – Поднялся и спрыгнул с русленя на причал. Потом обернулся подать руку Джо – корабль и берег разделяло с метр темной неприветливой воды – и снова поймал краем взгляда голубое сияние вокруг шхуны. Но стоило мне посмотреть на нее прямо, сияние опять погасло.

– Чего лицо такое удивленное? – благодушно поинтересовался Рамсес. – Пошли уже.

– Да огни на шхуне какие-то странные, голубые.

– Обычные у нее огни. Ну то есть сейчас вообще никаких нет, но это их проблемы, не наши. Идем.

Мне показалось, что они с Джо обменялись какими-то странными взглядами. Да нет, наверное, показалось, освещение на причале оставляло желать лучшего.

Утро наступило свежее и яркое, подозрительная шхуна успела куда-то деться («А, переставили, наверное», – легкомысленно махнул рукой Рамсес), первое катание начиналось в десять утра, так что дел было много, а времени думать о глупостях – мало.

А вечером вообще случился парад парусов – фестиваль наконец-то закрывался. Стыдно признаться, но это был первый парад парусов в моей жизни. Выпал он как раз на мою вахту, но капитан взял командование на себя, велел мне встать на штурвал. Корабли и кораблики под разноцветными парусами неровным строем шли по Эльбе, и я то и дело сворачивал на них голову, с большим трудом сосредотачиваясь на курсе. Да и как на нем сосредоточиться, когда мимо проходит, скажем, гигант-виндjammer, а следом за ним как пришитая идет яхточка, раскрашенная точь-в-точь так же, но меньше раз в десять? Когда на реях индонезийской баркен-

тины танцуют матросы в ослепительно белой форме, а слева по борту скалит клыки резной деревянный лев на носу фрегата?

– Рудольф, не вертитесь, – прервал мои восторги капитан. Впрочем, в его голосе, вопреки всякой логике, не было резкости.

– Есть.

– Знаете что... – продолжил он, слегка поколебавшись, – отдайте штурвал Кристоферу, а сами сходите наверх. Оттуда лучше видно.

– Спасибо, сэр, – я поспешно уступил штурвал одному из своих матросов и, наверное, через минуту уже был на грот-марса-рее.

Отсюда, сверху, стало заметно, что к городу уже подкрадывалась темнота, небо начало синеть, только на горизонте еще оставалось светлым, со сливочным желтоватым отливом. Заходящее солнце красило паруса в нежно-розовый цвет, а по реке, которая постепенно становилась сине-золотой, шли корабли, и такими маленькими они были рядом с бесконечными контейнеровозами, толпящимися у грузовых причалов, такими гордыми и как-то неприкаянными, что у меня перехватило горло. Их были сотни, но что такое сотня парусников в мировых масштабах? Смысла в них было, наверное, не более, чем во флотилии игрушечных корабликов в весенней луже, но избавься от них – и мир опустеет раз и навсегда.

В этот момент кто-то несильно дернул меня за ногу:

– Слезайте, – за мной послали Лайама, матроса из вахты Джо, говорившего по-английски с таким акцентом, что любой разговор с ним превращался в головоломку, – мы поворачивать хотим.

– Да-да, спасибо.

В самом деле, все остальные корабли уже поворачивали, один я болтался на рее и мешал брасопиться. Пришлось спускаться. Видимо, лицо у меня было задумчивое, потому что Рамсес – на мостике помимо него, капитана и Джо остался только рулевой, остальные матросы убежали брасопить грот – понимающе улыбнулся и спросил:

– Что, проняло?

А Джо с неожиданной злостью бросила:

– А еще спрашивают, зачем нужны исторические парусники. Да вот затем и нужны.

– Вы неправы, Джо, – улыбнулся капитан, – парусники нужны еще и для того, чтобы учить моряков. Многие из моих матросов когда-нибудь станут офицерами на других кораблях. А «Гончая» еще и неплохие деньги приносит. Вставайте к штурвалу, Рудольф. Я вами доволен.

Чем он доволен, интересно? Штурманом, который болтается по всему кораблю, часами сидит на марсовой площадке и тихонько гладит резное дерево, когда его никто не видит?

Через пару дней восторги мои слегка поутихли. Шел девятый час утра, мы медленно ползли по Киль-каналу, и я каким-то образом успел нечеловечески замерзнуть, хотя одет был тепло, а вахта только началась. День обещал быть ясным, но не по-майски холодным, утренний туман никак не развеивался, и ничего интересного вахта не предвещала. Так и оказалось. К восьми склянкам я вывел «Гончую» через шлюз в открытое море, сдал вахту Джо и отправился, наконец, покурить.

Снизу мне показалось, что на баке никого нет, но поднявшись, я увидел капитана. Он стоял рядом с мачтой и сосредоточенно набивал трубку. Я попятился.

– Куда вы, Рудольф? – он меня заметил. – Курите, не стесняйтесь.

– Спасибо.

Честно говоря, я намеревался сесть на палубу, но плюхаться под ноги стоящему капитану показалось мне плохой идеей. Пришлось отойти к самому бушприту и уставиться вдаль. Несмотря на холод, полуденное солнце светило так, что к половине сигареты перед глазами пошли зеленые пятна. Наконец я отвернулся от бушприта и все-таки присел, правда, на планширь. Ветер больше не бил в лицо, и стало теплее. Я закрыл глаза.

– Вы позволите? – капитан неожиданно сел рядом со мной.

Желание вскочить я подавил, но глаза пришлось открыть. На чисто скобленной палубе лежала черная тень. Одна. Моя.

Королевский шиллинг

A senefie en sa partie

Sans, et mor senefie mort;

Or l'assemblons, s'aurons sans mort².

Жак де Безье, французский трувер

В следующее мгновение я оказался у фока, пытаюсь прижаться к нему спиной и отчаянно ища пути отступления. На главную палубу – или за борт, в ледяную майскую Балтику. Значит, на палубу. Я дернулся к трапу, но железная рука, сомкнувшаяся на предплечье, меня удержала. Кажется, я взвыл в голос и попытался отмахнуться. Безуспешно.

– Тихо! – рявкнул капитан и повторил спокойно, – тихо, Рудольф. Успокойтесь.

Окрик меня слегка отрезвил. Я обнаружил, что за секунду успел насквозь промокнуть от пота и дышу, как после хорошей тренировки, но прыгать за борт больше не тянуло.

– Отпустите, – буркнул я.

Капитан оценивающе оглядел меня и, видимо, решив, что прямо сейчас я никуда не денусь, и ослабил хватку. Тень на палубе по-прежнему была одна, и я очень старался не думать, как вполне вещественная рука, скорее всего, оставившая на мне синяки, может не создавать преграды для солнечных лучей.

– Прежде всего, не бойтесь. Да вы ведь и не боитесь на самом деле, правда?

– Не боюсь, – согласился я, прислушавшись к себе. Убивать меня прямо сейчас никто, судя по всему, не собирался, палуба под ногами не таяла, призраки с ожившими скелетами из трюма не лезли, и кракен щупалец из моря не тянул, – не боюсь, но объяснений хочу.

– Давайте начнем с того, что вреда вам никто не причинит. Скорее наоборот – не об утраченной ли морской романтике вы мечтали с самого детства?

– По-моему, не капитану исторической реплики осуждать поиск романтики, – разозлился я.

Уж лезть к себе в душу я никому не разрешал. А злость, помимо всего прочего, успешно затыкала тоненький внутренний голосок, панически вопивший «бежать-бежать-бежать отсюда, домой к мамочке, пусть я проснусь» и прочую ерунду.

– А почему вы думаете, что это историческая реплика? – серьезно спросил капитан.

– А что же, интересно? Летучий Голландец, что ли?

Честно говоря, это объяснение казалось мне самому максимально логичным, но мысль мне категорически не нравилась. Или нравилась? Летучий Голландец, тайны острова сокровищ, прекрасные сирены и пиратские эскадры... до сегодняшнего дня мне казалось, что они сделали бы мир много прекраснее, а теперь что, струсил?

– Не совсем, – вздохнул капитан. – Хотя с его капитаном вы еще познакомитесь, обещаю. Да и не только с ним. Садитесь, Рудольф. Наверное, нужно было рассказать вам правду с самого начала... Что вы стоите, садитесь. Расскажу вам одну историю. Давным-давно, веке в семнадцатом, жил на свете глупый ирландский мальчишка. Вот вроде вас – не обижайтесь только. Нет, соображал он прекрасно, и образование получил отменное, и деловой смекалкой обижен не был, но жизнь казалась ему очень простой штукой, и он даже не подозревал, что бывает и по-другому. Звали мальчишку Ричард Кэссиди. Капитан Ричард Кэссиди.

...Однажды корабль капитана Кэссиди – нет, не роскошный фрегат, а простая крепкая пинаса – шел в Англию с грузом пряностей. Богатый груз не подмок и не заплесневел, встречи

² «А» означает «без», «мог» означает «смерть»; Сложим их и станем бессмертными (фр.)

с испанцами и пиратами не случилось, до белых скал Дувра оставалось рукой подать, и настроение у капитана было совсем беззаботное.

Вечер наступил ясный. Закат почти догорел, оставив по себе тонкую красно-золотую полосу, и родные английские звезды проступали на гаснущем небе почти так же ярко, как их южные товарки. И так красиво было вокруг, и так *правильно*, что капитан не мог усидеть в рубке. Он стоял на палубе, подставив лицо свежему ветру, курил и любовался звездами, и сердце у него рвалось от чувства, редко осознаваемого молодыми шалопаями, хоть и присутствующего им в полной мере – от звенящей и тревожной радости бытия. И он всей душой желал сохранить это чувство, но никак не мог высказать, чего, собственно, хочет. И потому сказал шепотом, застыдившись порыва, слова, которые много раз в жизни говорит каждый из нас – обычно девушке, обычно в расчете на поцелуй. «*Вот бы так было вечно*», – выдохнул Ричард Кэссиди. И ничего не случилось, небеса не разверзлись, и не явился ангел с огненным мечом. Просто он вдруг услышал тихие слова «*Будь по-твоему*». Услышал – и одновременно мог поклясться, что ничего не слышал.

Разумеется, он забыл об этом меньше чем через час.

Капитан Ричард прожил жизнь довольно долгую, не сказать, чтоб очень счастливую – обычную человеческую жизнь. Верно служил короне, занимаясь когда торговлей, а когда и другими делами, и в конце концов даже удостоился дворянского звания. Жену взял красивую и небедную, и все дети были похожи на него – это очень важно, когда есть что оставить в наследство. Оставить было что – миллионов он не нажил, но весьма приличный капитал все же добыл. И умер он не дряхлым стариком и не в собственной постели, а на палубе чужого корабля с оружием в руках.

На том свете встретили капитана не ангелы, конечно, но и не черти. Никто не встретил. Да и вообще никакого «того света» не оказалось. Капитан стоял на палубе «Гончей», самого любимого своего корабля, мирно покачивавшегося на якоре у неизвестной земли. Солнце по южному стремительно закатывалось за горизонт, и в его последних лучах Ричард сразу же заметил то, что вы, Рудольф, не замечали значительно дольше. Будучи добрым католиком, он размашисто перекрестился – а что еще делать при встрече с нечистой силой? Ничего не изменилось. Вот только движение вышло куда легче, чем обычно бывало в последнее время. Капитан снова был молод. И бесстыдно счастлив сам не зная чему.

Оказалось еще, что он не одинок. На корабле было порядочно народу – самые преданные из матросов, когда-либо ходивших под его началом. Один из них, боцман, как-то спокойно сказал, когда они столкнулись с тремя испанскими галеонами, «*За тобой хоть в ад, Дик*». Да и вся нынешняя команда «Гончей» состояла из людей, полностью с ним согласных. И по каждому из этих матросов капитан когда-то сам читал отходную, прежде чем выбросить за борт зашитое в парусину тело.

Понять или хотя бы объяснить другим положение дел Ричард никак не мог. Тогда ему нелегко пришлось, он чуть с ума не сошел. Он точно знал, что мертв, и что все его матросы тоже мертвы. Райского блаженства ни для себя, ни для своих людей он ждать никак не мог. Но на ад его существование никак не походило, скорее все-таки на рай, особенно когда оказалось, что смерть – не причина, чтобы отказываться от некоторых маленьких радостей вроде вина или табака. В результате он пришел к приемлемому – особенно для простых людей вроде команды – выводу, что таково Чистилище. А потом капитан вспомнил один давний вечер, и глас свыше. На шутку нечистой силы происходящее не походило, слишком все было хорошо, но с тех пор капитан зарекся говорить вслух необдуманные слова, и другим запретил строго-настрого...

– Это что же, – перебил я, вдруг осознав смысл слов капитана, – *вся команда*...

– Что вы, не вся. Только я и моя вахта, поэтому и работаем мы только по ночам. Ваши матросы, и ваши друзья-офицеры – обычные люди. Ну, почти, – добавил он после паузы.

– И они знают?..

– Да, конечно.

Это меня немного успокоило. Хотя что я вру, я почти с самого начала был довольно спокоен, случившееся не то чтобы хорошо встраивалось в мою картину мира, но отлично соответствовало подсознательным ожиданиям. Более того, если до этого момента мне было как-то стыдно верить в сказки и мечтать о прекрасных белокрылых кораблях и морском народце, то теперь мне как бы дали индульгенцию на эти мечты и впустили в эту самую сказку, любовно продуманную в детстве и не забытую потом, жить.

– Скажите, – я вспомнил сияющий странным голубым светом корабль, – а та шхуна в Гамбурге...

– Корабль-призрак. Да. Хочу вам сразу сказать, что почти все легенды, которые вы вычитали в книжках – правда. Ну что, Рудольф? Нанимаясь на «Гончую», вы, помнится, пообещали служить тут до конца света... К этому я вас принудить не могу, вы не знали, о чем говорите... хотя я тоже не знал в юности... но вы остаетесь?

– Остаюсь, – твердо ответил я. – Где кровью расписаться?

– Вы поосторожнее с такими шутками, Рудольф. Расписаться вы уже расписались, в договоре чернилами, а душа ваша мне не нужна. Она принадлежит Богу и морю, а с ними я спорить не стану. Просто – остаетесь?

– Да.

– Добро пожаловать на борт, Рудольф.

...вечером мы неожиданно сели пить вино, хотя и были в открытом море. На дне моего стакана оказалась старинная монета достоинством в один шиллинг³.

³ Старинный морской (и армейский) английский обычай. Во время вербовки рекрут получал шиллинг и с этого момента считался зачисленным во флот. В восемнадцатом-девятнадцатом веке вербовщики довольно часто угощали потенциальных матросов пивом, подбрасывая шиллинг в кружку. Принимая кружку, рекрут брал и монету, и, соответственно, становился матросом.

Иммрам⁴

*Есть далекий-далекий остров,
Вкруг которого сверкают кони морей.*

Плавание Брана

Привыкнуть к вновь открывшимся обстоятельствам оказалось, мягко говоря, непросто. Вот представьте – поднимаешься ты, сдав вечернюю вахту, на бак, покурить. И, естественно, сталкиваешься там с матросами, которые, скажем, тянут снасти. Или тоже курят, и еще и табачка тебе предложат. Обычные самые люди на вид, разве что одетые по моде семнадцатого века. Но у тебя самого в каюте висит историческая форма, которую надеваешь на каждом фестивале, а иногда и просто так, она зачастую значительно удобнее современной одежды. Все нормально, обычный корабельный быт. Но при этом ты точно знаешь, что все эти матросы скончались лет триста назад, и имена их в судовой роли не числятся, в отличие от твоего собственного. Ну и последние сомнения убивает их табак, если рискнешь его попробовать – настолько он не имеет ничего общего с пропитанной никотином бумагой, набитой в твои собственные сигареты. Или, например, зайдешь вечерком в кают-компанию, а там почти нет народа, но все равно тесно и шумно – такой эффект, причем на помещения любого размера, всегда производит присутствие боцмана Алана Лоренса, огромного огненно-рыжего шотландца. И он тоже давно умер, хотя более живого человека я не то что никогда не видел, но даже вообразить не могу. Когда в первые свои дни на «Гончей» я с удовольствием с ним выпивал, то ничего неладного так и не заметил. Наверное, потому, что он может без видимого вреда для себя выпить такое количество виски, которое меня лишает всякой критичности мышления.

Ну а о капитане и говорить нечего. О таком капитане всякий моряк мечтает – он из тех, за кого жизнь отдашь, ни секунды не думая, и поверить, что имеешь дело с морским духом, чудовищем или там призраком совершенно невозможно. Строго говоря, именно капитан меня с этой действительностью и примирил. Потому что капитан на любом корабле, по-хорошему, должен быть не совсем человеком, а немножко богом. Чтобы его слова сомнению подвергнуть было невозможно физически. Ну а раз капитан так и так не человек, почему бы и другим членам команды оказаться... не самыми обычными?

Так или иначе, открыв тайну «Гончей», капитан стал в каждый пасмурный день ставить меня на ночные вахты – мои дневные он отстаивал сам, предоставляя в мое распоряжение свою, неживую часть команды. Поначалу я принимал вахту, крепко сжав зубы, и шугался всего – странного выговора докладывавших мне матросов, абсолютной бесшумности их движений в летней темноте, даже дыр от выбитых зубов, чернеющих в их улыбках. К счастью, дружеского общения с матросами от меня никто не ждал, меньше всего – они сами. В их времена о подобной ерунде никто не подозревал. А моя дневная вахта состояла из прекрасных и однозначно живых ребят, не говоря уж о других офицерах.

– Да успокойся ты, – утешала меня Джо, иногда составлявшая мне компанию на вахте и варившая кофе на двоих. Рамсес обычно до нас не снисходил. – Скоро поймешь, что всей и разницы, что они на берег не сходят и не едят никогда. Нам же лучше, больше еды остается. А в остальном, где еще ты такой корабль найдешь? И такого капитана? – когда она говорила о капитане, на ее лице всегда расцветала невольная улыбка.

Вообще-то она была права. Летучий Голландец, самый знаменитый из кораблей-призраков, в обывательском сознании предстает едва ли не преддверием ада, черной мрачной развалиной, населенной измученными своей судьбой людьми. Или духами? С голландцем

⁴ Иммрам – жанр средневековой ирландской литературы, рассказ о плавании на тот свет.

пока познакомиться не довелось, но «Гончая» была прекрасным кораблем – легким, быстрым, чистым, в отменном состоянии, слушалась штурвала с полуслова и никогда не капризничала под самым резким ветром. Не то чтобы мне было с чем сравнивать тогда, но, признаюсь, именно так и выглядел в моих детских (и недетских уже, чего уж там) мечтах, тот самый, *мой* корабль. Команда у нас тоже прекрасная, дружная и дисциплинированная, и над моим незнанием и неудачами (их было не так мало, к сожалению), никто не насмеялся. Ко всему прочему, еще и жалование мне положили очень немаленькое. Да и морских легенд обещали в ассортименте. Честно говоря, я всегда в них верил твердо, и вообще не знаком ни с одним моряком, который не отличался бы некоторой мистической направленностью сознания, но увидеть многое из того, о чем читал и мечтал, своими глазами, не надеялся. Впрочем, пока и не предлагали.

Через пару недель после ухода из Гамбурга (мы успели смотаться в Данию на какой-то крошечный местный фестивальчик и покатать реконструкторов из Норвегии, заплативших за это какие-то совершенно невообразимые деньги, позволившие нам очень весело проводить время даже в этой безобразно дорогой стране) я стал потихоньку привыкать к мысли, что мне досталось очень удачное место службы, а что половина матросов отличается некоторыми странностями, так у каждого свои недостатки. В остальном «Гончая» – вполне обычный исторический парусник с обычными заботами и хлопотами, с обычным романтизмом всех участников, старательно ими отрицаемом, с обычными бытовыми сложностями и обычными суровыми, но яркими и веселыми буднями фестивалей и регат.

Прекрасной июньской ночью, где-то в Северном море, в районе западного побережья Норвегии, я сидел на юте и делал вид, что команду кораблем. На самом деле рулевой с трехсотпятидесятилетним опытом вел фрегат по курсу, как по ниточке, море вокруг было совершенно пустым, и я вполне мог позволить себе пить остывший кофе и предаваться размышлениям. Но стоило мне как следует задуматься о какой-то ерунде, как впередсмотрящий крикнул, надсаживаясь, с бака:

– В полумиле лодка пересекающимся курсом! На траверзе правого борта!

Справа действительно темнело какое-то некрупное суденышко под косым парусом, без ходовых огней. Вместо них были голубые искорки, время от времени пробегавшие по шкаторинам паруса и мачте. Что за черт? Я судорожно прикинул, кто каким галсом движется, сообразил, что приоритет у него, и отдал команду рулевому, но тут на лодке зажегся фонарь, и кто-то яростно замахал руками. Кажется, они хотели встать с нами борт о борт.

И тут я обнаружил, что понятия не имею, что нужно делать в такой ситуации. И вдобавок даже не подозреваю, например, где лево, а где право. Вцепившись в первую подвернувшуюся веревку до белых пальцев, я сделал пару глубоких вдохов, молясь, чтобы не заметили матросы. На принятие решения оставалось секунд десять.

...вспомнил, конечно. И бесконечные часы на тренажерах дали о себе знать, и со «Святой Марией» я и не такие штуки проделывал безо всякого труда. Но все душевные силы ушли за эти десять секунд до капли, и когда на борт поднялся капитан, как оказалось позже, безымянного кораблика, поприветствовал я его без всякого волнения или страха. Был он невероятно, нечеловечески рыж – выше я называл рыжеволосым Алана, так вот, наш боцман по сравнению с ним почти блондин.

– Вахтенный штурман Рудольф Эрман, – представился я.

– Ночью? – удивился он, – а Ричард где?

Английский язык в его исполнении состоял преимущественно из звуков «ш» и «щ».

Я послал ближайшего матроса за капитаном и пригласил ночного гостя, назвавшегося Браном, в рубку. Капитан появился минут через пять и сразу же велел:

– Рудольф, останьтесь.

– Я по делу, Ричард, – сообщил Бран, – письмо тебе привез. Сам знаешь, откуда.

Мне показалось, что когда капитан протянул руку за сложно сложенным листом то ли плотной бумаги, то ли пергамента, у него дрожали пальцы. Но голос остался ровным, спокойным, и улыбался он, как обычно.

– Благодарю. Выпьешь?

– Спешу, – отказался Бран, поднимаясь из-за стола.

– Ты? – усмехнулся капитан, – куда? Впрочем, как знаешь. Рудольф, проводите гостя и возвращайтесь.

За эти десять минут я успел вспомнить, что где-то читал про какого-то Брана с очень нелегкой судьбой, и вернулся в рубку, глубоко задумавшись. Хотелось потребовать объяснений, но требовать я, понятно, ничего не мог. Разве что попросить. К счастью, даже просить не пришлось.

– Ну вот и вы познакомились с первой морской легендой, – улыбнулся капитан. – Не страшно?

– Н-нет. А кто это был? Я вроде слышал что-то...

– Это Бран, сын Фебала. Однажды он доплыл до того света. Ирландские герои и святые вообще довольно часто отправлялись в такое плавание, но обычно возвращались. А вот Бран остался в море навеки. Письма возит.

– С того света? – испугался я.

– И с того света тоже. Но это просто приглашение на дружескую вечеринку, и то на следующий год.

Тут меня захватила другая идея:

– А что, до того света просто так доплыть можно? Или это только герои и святые могут?

– Доплыть-то можно... – капитан надолго замолчал, – и нет, святым для этого быть совершенно необязательно. Даже наоборот. Но не дай вам Бог, Рудольф, дожить до того дня, когда нам придется туда идти. Потому что если и придет когда-нибудь очередь последнего плавания «Гончей», то это будет именно оно.

Обитатель брашпиля

*Он входил в твой сон, разгоняя страх,
принося уют и покой
И блестела соль на его усах,
и искрился мех под рукой.*

Олег Медведев, «Корабельный кот»

Стоял собачий холод, а я стоял собачью вахту. Не ахти какой каламбур, но я даже в тепле и днем с Вудхаусом не сравнюсь.

Из-за многонациональности команды у нас на корабле две «собаки» – английская *dog watch* и голландская, на которой я и пытался одновременно не заснуть и не замерзнуть насмерть. Вообще-то, конечно, сейчас на мостике должен был быть капитан, но он все еще не счел мое обучение законченным, и ночные вахты пока принадлежали мне.

Собака выдалась противной, но нетрудной. Время подходило к восьми склянкам, и я уже расслабился, потихоньку прикидывая, как сдать вахту, покурю и залягу поспать. Хотя нет, не буду курить – лишних пятнадцать минут торчать на мокрой холодной палубе совершенно не хотелось. И когда раздался твердый звук удара, как будто кто-то рухнул на палубу спиной и затылком, а за этим звуком последовала витиеватая, с большим мастерством составленная из старомодных проклятий тирада, я, конечно, не насторожился – подумаешь, запнулся человек обо что-то – но все же прикрикнул для порядку:

– Чего орете по ночам?

Мне никто не ответил, но буквально через минуту матрос с нервно подергивающимся лицом доложил:

– Сэр, мне в ноги что-то бросилось...

– Не говорите глупостей, Штейн, – посоветовал я. Этот парень был моим соотечественником и был меня старше лет на триста, но об этом я предпочитал не думать.

– Нет, сэр, так и было. Оно было красное, – слово «красное» он произнес таким конспирологическим шепотом, что я сразу принялся перебирать в памяти все известные мне приметы и поверья, вспоминая, не означает ли «что-то красное» немедленной гибели корабля.

– Отлично. Спасибо. Разберемся, – пообещал я, так ничего и не вспомнив.

Остаток вахты я развлекался, пытаюсь сообразить, что это такое было. И сообразил-таки, аккуратно под восьмую склянку.

– Ребята говорят, что на палубе видели клабаутермана, – сообщил я своей сменщице.

– Ого! – подняла брови Джо. Посмотрела на небо, на приборы и заключила: – пока вроде ничто не предвещает. Спасибо, что предупредил. Спокойной ночи.

Вместо того чтобы идти спать, я поперся на камбуз позаимствовать оттуда подходящую миску. Потом, пожертвовав половиной бутылки крепкого фленсбургского рома из своих личных запасов, поставил миску с ромом под брашпиль, рассудив, что алкоголю в такую погоду клабаутерман обрадуется сильнее, чем молоку. А представив, каково Джо там одной напряженно высматривать признаки надвигающегося шторма, вовсе вернулся в рубку. Но оттуда она меня безжалостно прогнала.

Шторма до утра никакого не случилось, а ранний победоносный рассвет расчистил небо, предоставив «Гончую» в полное наше распоряжение. Но прежде чем приступить к делам, мы все же нашли пятнадцать минут, подымить и подумать.

– Доброе утро! Чего такие грустные? – радостно спросил подошедший чуть попозже Рамсес, который в отличие от нас выспался, и вообще был не в курсе происходящего.

Мы молчали.

– Чего случилось-то? – еще раз спросил он, протягивая Джо огонек. Подумал вслух, – интересно, а прикуривать втроем от одной зажигалки можно?

– Нельзя, – отрезала Джо, забирая зажигалку у него из рук, – нам теперь вообще ничего нельзя, только ходить по струночке и следить за приборами.

– Кэп сердится, что ли? – нахмурился Рамсес. – Так вроде не с чего.

– Хуже, – убежденно ответила Джо, но потом все-таки поправилась: – ну не хуже, конечно, но почти так же. У нас на борту то ли активизировался, то ли просто завелся клабаутерман.

– А вы думали, что на «Гончей» его нет?

– Он вчера показался матросам, – объяснил я, – да не просто показался, а чуть не напал на Штейна.

– Это уже серьезнее. – Рамсес задумался. – Небо чистое. Значит, он просто сердится на команду. Что предприняли?

– Я ему рома налил, – при свете дня эта идея казалась чуть менее логичной, чем ночью.

– Ты что же думаешь, он такой же пьянчуга, как мы? – ехидно сказала Джо, а Рамсес серьезно спросил:

– А он выпил?

– Не знаю, не смотрел...

Тщательно затушив сигареты, мы подкрались к брашпилю.

Перевернутая миска и не испарившаяся еще лужа рома явно свидетельствовали о том, что клабаутерману мое угощение не понравилось.

На камбузе хватились пропавшей миски, кто-то из ночной вахты проболтался, а один из матросов признался, что ночью кто-то шипел ему в ухо. Экипаж мгновенно охватила паника – не паника, но суеверный страх уж точно. Приказы выполнялись быстро и идеально, вахтенный штурман поминутно проверял курс, свободные от вахты матросы моментально находили себе какое-нибудь полезное занятие, разговаривали все, как на светском рауте, на баке не толпился народ... И хотя вторая поставленная под брашпиль миска, уже не с ромом, а с жирными сливками, оказалась пустой, никого это не успокоило. За этот день на «Гончей» было отремонтировано, зачищено, вычищено и отдраено все, что в принципе можно было отремонтировать, зачинить, вычистить и отдраить. Что тут говорить, если даже Джо навела порядок в своих личных вещах.

Перед закатом мы собрали спешное совещание на баке, решая, стоит ли докладывать капитану. В том, что он способен поговорить с клабаутерманом и выяснить суть проблемы, никто не сомневался. Но ведь мы трое тоже не просто так жалование получаем! Неужто не справимся? Команда сегодня вела себя выше всяких похвал, любой дух перестал бы сердиться.

– Что происходит, господа? – спросил капитан, сгущаясь из воздуха у нас за спинами. Мы разом замерли, застигнутые на месте преступления, а он продолжил: – почему ни одна живая душа на борту не бездельничает? Почему в кои-то веки раз никто не играет в кости? Чем вы их запугали?

– Это не мы, – честно ответил Рамсес. Врать капитану никто из нас бы не рискнул.

– А кто же? – капитан вытащил из кармана пенковую трубку и принялся неторопливо ее набивать. По голосу я предположил, что он улыбается.

– Клабаутерман развлекается.

– Надо же. Хорошо, я с ним поговорю.

Курил капитан долго. Гораздо дольше, чем всегда. И если мы с Джо могли хотя бы нетерпеливо слоняться вокруг него, то Рамсес почти сразу же отправился на мостик, напоследок одарив нас эталонно тоскливым взглядом – его огромные вытянутые глаза подходят для таких финтов лучше некуда. Докурив наконец, капитан аккуратнейшим образом выколотил трубку

и все-таки пошел выполнять свое обещание. Мы двинулись следом, делая вид, что просто прогуливаемся.

А капитан, обзрев брашпиль со всех сторон, ткнул его носком начищенного сапога и обернулся к нам:

– При вас он все равно не покажется.

Намек был более чем ясен, и мы ретировались на почтительное расстояние. И совсем не смотрели на маленького человечка в ярко-красной куртке, прошедшего за капитаном по палубе.

Через пять минут капитан велел подавать ужин в свою каюту. Через полчаса вышел на палубу и подошел к нам.

– Это не он. И он не знает, кто виноват. – В голосе капитана слышалась если не тревога, то некоторая озабоченность. – Я сменю Рамсеса, а вы думайте...

И мы думали. Сначала втроем, потом к нам присоединился Алан. Сидели полночи, хлестали кофе, но так ничего и не придумали. У нас просто в головах не укладывалось, что кто-то может безобразничать на борту «Гончей» без ведома Ричарда Кэссиди. Да и безобразия были такие... специфические. Подумаешь, опрокинуть миску с ромом. Может, она сама опрокинулась на волне. А матросам показалось все. Успокаивая друг друга подобным образом, мы все-таки разошлись спать.

Утром целых трое матросов – нормальные, не склонные к истерикам и галлюцинациям парни – рассказали, что кто-то их трогал и даже вроде бы ходил по ним ночью. А на камбузе не досчитались копченых селедок, приготовленных для завтрака, и шести тарелок, осколки которых, правда, были обнаружены там же. Игнорировать это уже не получалось, и наша вечерняя глубокая задумчивость окрасилась отчетливыми паническими тонами.

В порыве вдохновения мы решили осмотреть «Гончую». Не знаю, что мы надеялись найти – маленькое безобидное привидение? – но корабль обыскали, как говорится, от киля от клотика. Нельзя сказать, что мы не обнаружили ничего интересного, но ничего подозрительного не было точно. Парусник и парусник, никто посторонний и не догадается, что с ним что-то не так.

На тотальном обыске наша фантазия иссякла – вообразить, какая нечисть может терроризировать корабль, подобный нашему, и откуда она взялось в открытом море, мы никак не могли. Сначала мы все бродили по палубе, шарахаясь от любого резкого движения, но ближе к вечеру подуспокоились и занялись повседневными делами, предположив, что оно уйдет, если не обращать на него внимания. А даже если и не уйдет – что нам, из-за пары тарелок и полбу-тылки рома с ума сходить?

А на закате капитан пригласил нас троих к себе в каюту. Когда мы вошли, он стоял спиной к столу и почему-то улыбался.

– Добрый вечер, господа. Садитесь. Вы так ничего и не узнали?

Мы послушно сели. Рамсес на правах старшего отрицательно покачал головой за нас всех.

– А я нашел вашего полтергейста. Ну... честно говоря, это он меня нашел, – уточнил он после некоторого колебания. И отошел в сторону.

На столе, прямо на бумагах, дремал, уютно свернувшись, большой черно-рыжий кот, никак не отреагировавший на наш неопределенный удивленный возглас. Когда Джо вознамерилась его погладить, кот приподнял голову и уставился на нас. И широко зевнул, как будто наша компания показалась ему совсем обычным делом. Черное пятно вокруг левого глаза придавало ему пиратский вид.

– Откуда он взялся? – любопытствовал я.

– Чего не знаю, того не знаю, – признался капитан. – Кошки, Рудольф, появляются откуда угодно и где угодно. Можете теперь успокоить команду.

Кот все-таки муркнул и вывернулся рыжим животом кверху под рукой Джо. А вот переходить на край стола он категорически отказался. Когда я обернулся от двери каюты, кот топтался, устраиваясь поосновательнее, на коленях капитана, полностью погрузившегося в какие-то документы.

Post non est propter⁵

*Где-то есть окраина —
Туда, за тропик Козерога! —
Где капитана с ликом Каина
Легла ужасная дорога.*

Николай Гумилев, из цикла «Капитаны»

Моя личная библиотека состоит из восьми «лучших морских романов для юношества» и пары учебников, жемчужина маленького собрания Рамсеса – старинное коптское Евангелие, Джо возит с собой несколько томов самой любимой фантастики и фэнтези, какие-то книги найдутся у каждого матроса, но с подборкой нашего капитана ни одна книжная коллекция на борту не сравнится. Например, я своими глазами видел у него настоящие эльзевиров семнадцатого века. А еще – античную классику, труды отцов церкви, средневековые хроники и разнообразнейшие эпосы. И самое ужасное заключается в том, что он все это читает! Я понимаю – тратить на подобные книги короткую человеческую жизнь, но когда впереди вечность, можно, по-моему, уже и детективчики полистать. Хотя, наверное, чтобы понять всю прелесть «Жизнеописания двенадцати цезарей» и начать получать от него удовольствие, нужно просто прожить лет триста. Но так или иначе, а почти всю литературу, созданную после середины девятнадцатого века, капитан знает, но не признаёт – за редкими исключениями, вроде рассказов о Шерлоке Холмсе.

Поэтому когда я за какой-то надобностью зашел в капитанскую каюту и увидел на столе два бульварного вида томиков в ярких обложках, то очень удивился. И даже рискнул спросить:

– Можно посмотреть?

– Нельзя, – резко ответил капитан, – простите, Рудольф, но это подарок. Хотите, возьмите что-нибудь другое.

Вообще капитан очень легко относится к своей бесценной библиотеке и дает почитать редчайшие книги по первой просьбе кому угодно, вплоть до последнего юнги. Другое дело, что обращаться к нему с подобными просьбами не осмеливаются не только юнги, но и мы. При острой необходимости можно прибегнуть к помощи боцмана, дружба которого с капитаном старше нас троих, вместе взятых. А тут сам предложил... Воспользовавшись редким случаем, я завладел «Пиратами Америки» Александра Эксвемелина, чуть ли не первым изданием, и спешно откланялся.

– Что я вижу?! Ты ограбил капитана? – по пути к каюте навстречу попался Рамсес, оценивший мое приобретение в полной мере.

– Ага. И только намеревался сокрыться у себя в каюте и предаться сладострастному чтению, а теперь придется с тобой делиться. Может, проще тебя убить?

– Сходи со мной покурить, и я тебя, так и быть, не выдам.

На том и порешили.

На баке, выгаскивая сигареты, Рамсес спросил:

– Зачем тебе Эксвемелин настолько понадобился, что ты к капитану пошел?

– Да он сам предложил.

– Серьезно? Типа, «Рудольф, извольте прочитать, ваш культурный уровень не соответствует требованиям „Гончей“»?

– Это я бы еще понял, – и я рассказал старпому о таинственных книжках.

– Может, кэп их тайком читает? – развеселился тот.

⁵ «После» – не означает «вследствие» (лат.)

– Ага, ночью, под одеялом, с фонариком... – идея выходила богатая, но бесперспективная, поэтому разрабатывать ее мы не стали. К тому же я действительно собирался немного почитать, пока было свободное время.

Устроившись на койке и на всякий случай заведя будильник, я погрузился в нидерландский текст. Ну не то чтобы совсем погрузился – в разнообразные словари я смотрел едва ли не чаще, чем в оригинал. Когда я в очередной раз давал себе слово заняться языками – а то вдруг мой культурный уровень и правда не соответствует – прозвонил будильник. Оказалось, что до моей вахты осталось пятнадцать минут.

За то время, что я провел за книгой, погода сильно ухудшилась. Корабль затянуло невероятно густым туманом. По консистенции и цвету он напоминал лимонный курд и передвигаться в нем было не только трудно, но и неприятно. Соображая, успею ли я выпить кофе и покурить, или придется выбирать, я пробирался по палубе ощупью и дважды чуть не переломал ноги, споткнувшись на мокрых трапах. На баке кто-то переговаривался неузнаваемыми голосами, и я поднялся туда.

– Стой! – раздался голос Джо прямо из-под ног.

Она сидела на палубе по-турецки, и курила, пряча сигарету в кулаке. Я уселся рядом и попытался тоже закурить – с третьего раза получилось.

– Правда, ты принесешь мне на вахту кофе? – попросил я. – А то при такой видимости сонный я корабль угроблю к чертям.

– Принесу, – отозвалась она, – но этот туман такой гадкий, что на месте капитана я бы «Гончую» вообще никому не доверила.

– Особенно такой салаге, как я, – сырой табак был мерзок на вкус, поэтому я выбросил сигарету, встал и посмотрел вперед – предположительно. Видно не было решительно ничего. И вдруг на траверзе левого борта загорелся мутный ярко-синий огонь. Вроде бы довольно далеко, но в таком тумане нельзя быть уверенным ни в чем.

– Джо! – позвал я.

– Что там? – она лениво поднялась, еще пару секунд мы вместе смотрели на синее пятно, а потом со всех ног бросились искать капитана, совсем позабыв о наличии впередсмотрящего.

Капитан обнаружился в штурманской рубке вместе с Рамсесом. Услышав наш сбивчивый доклад, он удовлетворенно улыбнулся:

– На это я и рассчитывал, – а потом неожиданно жестко сказал: – Джо, в каюту. И не показывайтесь оттуда до утра.

– Почему?! – растерялась наша подруга.

– Джоанна, – стальным голосом повторил капитан, – в каюту.

– Слушаюсь, – склонила голову Джо, повернулась через левое плечо и строевым шагом вышла из рубки.

– Обидится... – вздохнул Рамсес.

– Обижаться на приказы – это что-то новенькое, – отрезал капитан. – Рудольф, идемте со мной на палубу. Рамсес, оставайтесь здесь.

– Есть, – коротко ответил Рамсес, не заостряя внимания на том, что только что отбили восемь склянок.

Капитан стремительно вышел на палубу, а я за ним.

– Рудольф, – от непривычной строгости не осталось и следа, – помните, что я вам обещал однажды?

– Никак нет!

– Бросьте, – поморщился капитан. Туман начал рассеиваться, и стало возможно разглядеть выражение лица собеседника. – Джо я уснул для ее же блага, и на этом обсуждение моих

приказов попрошу закончить. А обещал я вам, что вы познакомитесь с капитаном ван Страатеном.

– Секунд десять я обдумывал это заявление, а потом догадался.

– То есть сейчас мы с ним встретимся?

– Именно.

– Это из-за него такой туман?

– Наоборот, – улыбнулся капитан. – Сознайтесь, Рудольф, вы тоже считаете, что встреча с Летучим Голландцем влечет за собой смерть?

– Ну... да.

– Если бы вы изучали право, то знали бы о существовании непреложного принципа *post hoc non est propter hoc*. После – не значит вследствие. Да, моряки, увидевшие «Эксцельсиор», обычно гибнут. Но если бы кто-нибудь из них взглянул на карту течений, проверил курс, да просто посмотрел бы вокруг, они остались бы живы. А ван Страатен всего-навсего пытается предупредить тех, кто уже и так и в опасности, – с горечью закончил капитан.

– Хреновый у него пиарщик, – глубокомысленно заметил я, пораженный такой трагической историей Летучего Голландца, который, оказывается, называется «Эксцельсиор».

– Где вы набрались таких слов, Рудольф? – рассердился капитан.

– Извините...

– Ничего. Теперь вы понимаете, почему мы искали его в том районе, где проблемы наиболее вероятны? А теперь смотрите.

Туман к этому моменту сгинул, оставив все после себя совершенно мокрым, и я смог беспрепятственно любоваться «Эксцельсиором». Контуры флейта окружал голубой огонь, прекрасно освещавший порванный, провисший такелаж, перекошенные в разные стороны реи и полуживые от старости паруса. Несмотря на плачевное состояние, корабль шел быстро и ровно, а дырявые, как хороший сыр, паруса, надувал ветер, который, как мне казалось, дул совершенно в другую сторону. Выглядело все это и в самом деле жутковато, и когда капитан окликнул меня, велел принять шлюпку, я был очень рад оторваться от созерцания и заняться делом.

Капитан ван Страатен поднялся на борт, и я сумел его разглядеть. На скелет в лохмотьях он никак не походил – просто высокий человек с очень изможденным лицом, обрамленным густой бородой. Одет он был, кстати, не по голландской моде (если мои представления о голландской моде семнадцатого века, почерпнутые из соответствующей живописи, верны), а по французской. С капитаном Кэссиди они обнялись, как старые друзья после долгой разлуки, да так оно и было, судя по всему.

– Смените Рамсеса, – велел мне капитан и повел гостя к себе в каюту.

– Что происходит? – набросился на меня Рамсес, когда я принял у него вахту и одновременно завладел его кружкой кофе.

– Мы повстречали Летучего Голландца, – признался я, – можешь бежать на палубу любоваться.

– А нам теперь шторма или другой катастрофы не ждать? – забеспокоился старпом.

– Капитан утверждает, что нет. Иди давай, я же вижу, что шторм тебя интересуется в последнюю очередь.

Следующие два часа прошли спокойно, а потом в рубку вернулся капитан. Довольный, и, кажется, выпивший – впрочем, утверждать наверняка я бы не взялся.

– Идите спать, Рудольф, – велел он.

Я еще немного постоял на палубе – погода совсем наладилась, светила красивая, почти полная луна, и было хорошо. «Эксцельсиора», отошедшего совсем недавно, я уже не увидел.

– И что же вчера случилось такое, не предназначенное для моих невинных глаз? – мрачно спросила нас Джо за завтраком, – Кэссиди женится и вчера пригласил вас на мальчишник? Или вы захватили корабль, везущий прекрасных черных рабынь, и устроили оргию?

– Мы встретились с капитаном ван Страатеном, – сдал нас с потрохами Рамсес.

Джо поперхнулась чаем.

– А меня отправили спать?! Кто вы после этого? Друзья, называется...

– Да мы-то причем? – справедливо возмутился я, – лучше подумай, чем ты капитана рассердила.

Весь день Джо была мрачнее тучи и время от времени начинала ворчать: «подумать только... Летучий Голландец». Обижаться на капитана ей не позволяла то ли субординация, то ли еще что, поэтому она обижалась на нас с Рамсесом, и страдали все трое. Настолько, что даже решили ночью, когда сдадим вахту, засесть в кают-компании с бутылочкой чего-нибудь крепкого. Обычно капитан давал добро на это без проблем.

Но в этот раз, когда мы уже выбирали делегата, который спросил бы разрешения, капитан выразил желание увидеть всех троих. Посмотрев на нас так, что нам – мне во всяком случае – стало стыдно, он осведомился:

– Джо, вы не собираетесь в ближайшее время выйти замуж?

– Нет, сэр, – удивилась Джо.

– Я, кстати, тоже не планирую жениться, – вполголоса заметил капитан. Джо смутилась. – А как бы вы поступили, если бы мой вчерашний гость сделал вам предложение?

– С чего бы это?

– Вы – вы все – очень плохо знаете свои любимые легенды. Если он найдет девушку, которая согласится стать его женой, проклятие будет снято.

– Так девушку же на земле искать нужно, – припомнил Рамсес.

– Совсем необязательно. Просто мой экипаж – едва ли не единственный шанс для него встретить живую женщину в море. Поэтому прекратите на меня дуться. Или вы, Джо, всю жизнь мечтали отказать капитану ван Страатену?

Тут я заметил, что ярких книжек на столе больше нет, а украдкой скосив глаза на полки, не обнаружил их и там. И незаметно толкнул Рамсеса локтем, показывая ему на пустой стол.

– Что же касается двух книг, судьба которых вас так интересует, – с иронией закончил капитан, – то это были романы из серии «Похождения Летучего Голландца», и я подарил их ван Страатену.

– А зачем они ему? – поинтересовалась Джо, заметно приободрившаяся.

– Он коллекционирует книжки о себе. – И добавил язвительно, – у него, как вы понимаете, очень много свободного времени.

Официальное лицо

*No more to chiefs and ladies bright,
the harp of Tara swells
The chord alone, that breaks at night,
its tale of ruin tells⁶*

Томас Мур, «Tara's Harp»

Никто из живых членов экипажа точно не знает, был ли наш капитан в юности капером, но как минимум в глубине души все в этом совершенно уверены. Очень уж хорошо он соответствует расхожим представлениям о благородном морском разбойнике, хоть «Одиссею капитана Кэссиди» пиши. Ну и команда вслед за ним тоже усвоила некоторые привычки романтических книжных флибустьеров. Например, среди матросов какое-то время бушевала настоящая эпидемия азартных игр. Скорее всего, началась она со *старой* команды, не приученной к другим развлечениям в своем семнадцатом веке, но и молодежь быстро переняла у них эту склонность. Пари заключались по любому поводу, а если в одном месте встречались хотя бы двое матросов, и у них было полчаса свободного времени, на свет божий тут же извлекались кости. Капитан, занятый какими-то мыслями, почти всегда вел корабль сам и игрокам никак не препятствовал.

Офицеров эпидемия тоже не миновала, но мы все же выбрали вариант чуть более аристократичный, чем кости, и по вечерам сражались в покер вчетвером – трое штурманов и боцман. Иногда удавалось соблазнить нашего корабельного врача Александра, и игра становилась по-настоящему интересной.

– Дам бы сюда, – вздохнула Джо во время очередного вечерне-ночного сборища в кают-компании. – Ага... – мечтательно поддакнул ей Рамсес и сразу же спохватился: – Ой, извини.

Джо посмотрела на него непонимающе, и все пятеро сидящих за столом расхохотались.

Конечно же, на «Гончей» были девушки и кроме Джо. Я, кажется, уже говорил, что в местах повышенной романтичности всегда очень много женщин. Вот и у нас прижились четверо. Матросы и матросы, маленькие, юркие, коротко стриженные. О том, что они не мужчины, помнил, кажется, только капитан, неизменно встававший, если кто-то из них входил в помещение. За это, кстати, его очень осуждали все, начиная с самих девчонок.

– Я имела в виду таких девочек-девочек, в платьях, – отсмеявшись, пояснила Джо, – а то салон, офицеры в карты играют, а дам нету...

– Ничего, вот прибудем в Порт-Стюарт, будете ухаживать за дамами сколько угодно, – пообещал боцман.

– А мы идем в Порт-Стюарт? – удивилась Джо, которая вообще в последнее время стала странно рассеянной и тихой. И все снова засмеялись.

Смех смехом, а непривычное состояние нашего бравого второго помощника меня обеспокоило. Как-то утром – мы уже подходили к Порт-Стюарту – я поделился своими опасениями с Рамсесом. Он разговаривал со мной, одновременно командуя поворотом фордевинд, и проблемой явно не проникся.

– Может, она заболела? – прикинул я. По крайней мере, у меня схожие симптомы – вплоть до способности забыть курс – могут возникнуть, если я переживаю грипп на ногах.

– Придет возлюбленная с ними и лекарей сословье посрамит, в моем недуге зная толк, – процитировал он в ответ на мое предположение и вдруг заорал: – ты что делаешь, мать твою?!

⁶ Нет ни воинов больше, ни женщин отважных В залах Тары, где арфа пылится, Но порою аккорд этих струн отзвучавших Из безмолвия хочет пробиться. (пер. с английского А. Преловского)

И тут же забыл обо мне.

Потом наступила моя вахта, и к тому моменту, как «Гончая» под моим командованием медленно и гордо вошла в порт и ошвартовалась, позабыл об инциденте за игрой в покер и я.

Стояли светлые свежие сумерки, алый закат предвещал скорый дождь, и мы втроем курили на причале, пожертвовав очередной партией ради ощущения твердой земли под ногами. Капитан – в современной, очень шедшей ему одежде – ушел куда-то в город, как только установили трап. Именно об этом я время от времени и пытался завести разговор. Отвечали мне лениво, уж слишком вечер был тихий, не располагающий к беседам вовсе.

– А если Кэссиди, как и ван Страатену, можно сходить на землю раз в семь лет, чтобы найти жену? – высказал я очередную гипотезу.

Джо ответила мне только через полсигареты, но общий ритм разговора был таков, что пауза оказалась почти незаметна.

– Он же говорил, что жениться не собирается.

– Кроме того, он и раньше сходил на берег, и ничего, – вспомнил Рамсес еще через минуту.

– Джентльмены, – вдруг странным голосом объявила Джо, – сейчас мы узнаем ответ из первых рук. Кажется, Рудольф был прав...

Мы обернулись в направлении ее взгляда и увидели капитана, который не спеша шел к кораблю. *С девушкой*. Она опиралась на его руку, он слегка наклонился к ней... Пару они составляли красивую, но слишком уж неожиданную.

– Бедная девочка, – меланхолично сказал старпом.

– Да ну? – усомнился я. – Разве наш капитан такое уж чудовище?

– Строго говоря, да, – усмехнулся Рамсес.

– Ваша бедная девочка, – зло сказала Джо, – сейчас идет под руку с красавцем-мужчиной и ей завидуют все женщины в этом порту.

– Включая вас, мисс? – Рамсес заломил египетскую бровь.

– Я не женщина, я штурман, – еще злее ответила она.

Мы с Рамсесом переглянулись. А потом разглядели спутницу капитана.

Она была не просто красива – после нескольких недель плавания кто угодно покажется красивым – она была нечеловечески прекрасна, идеальна, божественна. Аристократически бледное лицо с тонкими правильными чертами, толстые черные косы, яркие золотисто-зеленые глаза. Простое белое платье не скрывало изящных линий тела.

Мы резво вытянулись по стойке смирно, Рамсес рывкнул:

– Капитан на борту! – и обратился к самому капитану: – Позвольте показать корабль вашей очаровательной гостье.

– Благодарю вас, – коротко кивнул капитан, – но я сам с этим справлюсь.

Девушка рассмеялась, глядя на нас, и сказала что-то на непонятном языке. Капитан улыбнулся и ответил на нем же, и поддержал ее под локоть на трапе.

– М-да... – высказался Рамсес, смотря им вслед.

– Именно, – подтвердил я.

Джо, бледная прозрачной ледяной бледностью, резко выговорила нам:

– Засматриваться на женщину капитана – это нарушение субординации. Нас карты ждут, господа.

– Пошли, – кивнул Рамсес.

Я встряхнул головой, возвращаясь в реальность и тоже поспешил согласиться.

На палубе царило оцепенение. Матросы провожали глазами капитана, только что не разинув рты. А капитан невозмутимо показывал своей даме корабль, практически повторяя обычную экскурсию для посетителей.

– Вам заняться нечем, что ли?! – набросилась Джо на матросов. – Так я вам найду занятие, будьте покойны. А вы чего, – обратилась она к нам, – в кают-компанию! Алан! Вы с нами?

– С вашего разрешения, мэ, я сначала покурю, – улыбнулся боцман. – И не переживайте так.

– Я. Не. Переживаю. – Отрубила она.

И тут приглушенно хлопнула дверь. Насколько мы могли судить – дверь капитанской каюты. Джо побледнела еще сильнее, закусила губу и ушла в кают-компанию, не сказав ни слова.

– Что делать будем? – подумал я вслух.

– Не знаю. – Отозвался Рамсес. – Я бы спросил добра капитана и отвел бы ее куда-нибудь в город посидеть, но сейчас его беспокоить как-то неудобно.

– Идите, господа, развлеките девицу, – предложил боцман, сохранявший удивительное спокойствие. – Пару часов я уж как-нибудь без вас справлюсь.

– Спасибо, Алан, – серьезно поблагодарил Рамсес.

Джо сидела в кают-компании с застывшим лицом и тасовала колоду карт. В углу, не скрываясь, всхлипывала Марта, матрос вахты Рамсеса.

– Женщины... – вздохнул Рамсес и громко сказал: – леди, пойдемте пить кофе.

– Можно, я одна посижу? Извините, ребята, – слабо улыбнулась Джо.

Кофе мы ей все-таки принесли, и Марте тоже, и даже с коньяком. Рамсес ворчал, конечно, дескать, куда это годится, старший помощник рядовому матросу кофе варит, но неожиданная выходка капитана заставила нас вспомнить о том, что женщины – всегда женщины, и поставить гендерные различия выше иерархических. Себе мы тоже налили по чашечке и уселись на юте. Дождь все не начинался, хотя тучи уже сходились над кораблем, и становилось прохладно.

– Вот уж чего не ожидал, – искренне сказал я.

– Ты про него или про нее? – уточнил Рамсес.

– Про всех.

– Ну, про нее бы кто угодно догадался. А вот от кэпа я тоже не ожидал. Интересно, он с такой женщиной прямо на улице познакомился?

– Он может... Хотя судя по тому, как он целенаправленно ушел, встреча была не случайной. На каком языке они разговаривали, не знаешь?

– На ирландском. – Рамсес задумался. – Мы последние несколько лет вообще на Британских островах ни разу не были, не то что конкретно здесь. Где бы они раньше познакомились? Или она его с семнадцатого века ждет?

– Может быть. – Во всяком случае, это казалось мне более вероятным, чем идея о том, что капитан заводит случайные знакомства.

Между тем до ночи таинственная гостья капитана корабль так и не покинула. И ночью тоже – мы справились у ночной вахты. А утром капитан вышел на построение как ни в чем не бывало, один. Спросить мы его, конечно, не решились. Джо отводила глаза, но в остальном пришла в норму, поэтому день прошел относительно спокойно, в не слишком приятной, но необходимой круговерти экскурсий, прогулок под парусами и прочих туристических развлечений.

А вечером, когда посетители кончились, и команда собралась за обычным занятием, Джо неожиданно предложила сыграть в кости на желание.

– На какое желание? – усомнился я. – И почему не в покер?

– Потому что хочу желание, а в покер, тем более вдвоем, на него играть трудно, – рассердилась Джо. – Уступи девушке.

Я, конечно, подозревал что-то нехорошее, но рассерженная Джо была всяко лучше заплаканной, поэтому я согласился. И очень быстро проиграл.

– С тебя желание, – Джо оттащила меня в сторону от матросов и задумалась ненадолго: – Иди к капитану и спроси, что это была за девушка и куда она делась.

– Ты с ума сошла?! – кричать пришлось шепотом, чтобы никто лишний не услышал.

– Проиграл – иди! – с ненавистью сказала Джо.

Мысленно попрощавшись с должностью и кораблем, и трижды прокляв по этому поводу всех женщин, начиная с Евы, я отправился к капитану.

– Сэр, разрешите задать вопрос.

– Задавайте, – без удивления ответил капитан.

– Кто была ваша вчерашняя дама и куда она делась? – скороговоркой произнес я и уставился в палубу.

– Так. Вы проиграли Джоанне, да? – очень ровно произнес капитан: – Не отрицайте! Ради нее я вас, так и быть, прощаю. С этой дамой меня никакие отношения, кроме деловых, не связывают. И будьте уверены, что у себя в каюте я ее не прячу, а значит, с корабля она сошла. Ее визит был абсолютно официальным. У таких явлений как мой корабль иногда, знаете ли, возникают определенные... сложности не только с человеческими властями, но и с народом холмов⁷. Идите. И пожалуйста, не попадайтесь мне на глаза в ближайшее время.

Я поблагодарил и собрался идти, радуясь, что легко отделался, но капитан меня окликнул.

– И еще одно, Рудольф. Один из наших коллег, капитан Фалькенбург, стал таковым именно из-за страсти к азартным играм. Поэтому будьте любезны сообщить команде, что с сегодняшнего дня кости на борту я запрещаю.

⁷ Народ холмов, ши – обитатели потустороннего мира в ирландской мифологии. Иногда их называют эльфами. Ши безумно красивы, женщин среди них больше, и женщины эти имеют определенную слабость к человеческим мужчинам.

Седьмой час ночи

Чтобы знать врата, чтобы знать пути великого бога

*Чтобы знать, что сделано, чтобы знать часы и их богов.
Книга о том, что в Ином мире, XV век до н. э.*

Обычная форма одежды на «Гончей» – реконструкция костюмов конца семнадцатого века. Обязательной она отнюдь не является, но одни считают ее красивой, другие – соответствующей всему окружающему по духу, а третьи – просто удобной. Ну и наконец, добрая половина команды, начиная с капитана, к такой одежде просто привыкла с детства. Поэтому корабль с командой представляют зрелище весьма гармоничное, можно хоть в кино снимать – каких-нибудь «Пиратов Карибского моря-13». А еще, хоть мы в большинстве своем и не озабочиваемся кружевными манжетами и пышными жабо, наряды семнадцатого века просто так обязывают к ношению холодного оружия, а уж равнодушных к нему людей просто, наверное, не бывает. А если и бывают, то не у нас на борту. Здесь первое место уверенно удерживает Рамсес. Он единственный член экипажа родом не из Европы, и его личное оружие демонстрирует это куда более явно, чем черты лица. Недлинный прямой кинжал без гарды, с серебряной, отделанной потускневшим перламутром рукоятью, прячется в вытертых ножнах красного бархата, тоже украшенных серебром и перламутром. И за то, чтобы увидеть мягкие линии узора на настоящей, идеально ухоженной дамасской стали, любой специалист-оружейник душу бы прозакладывал. Конечно, носит его Рамсес только по самым парадным случаям, а для работы и нарезки колбасы пользуется простой «эндурой», но факт обладания таким ножом, даже если он вообще хранится в сейфе и никогда не видит света, не может не вызвать черной зависти.

Именно поэтому мы с Джо регулярно интересуемся у старпома, давно вычислив наиболее уязвимое для коптов место:

– Почему ты, потомок фараонов, не стыдишься пользоваться арабским кинжалом?

На что он всегда ровным голосом отвечает, что единственное, чего, к его превеликому сожалению, не знали египтяне – это железа. А арабский кинжал – трофей, передающийся у них в семье несколько поколений. И немного обижается. Такой вот в меру идиотский ритуал у нас сложился.

После ужина мы втроем, как обычно, покуривали на баке, и вдруг Рамсес в ответ на очередную беззлобную подколку насчет арабских интервентов взвился и почти закричал о том, как ему это надоело. Я, мягко выражаясь, сильно удивился.

– Больше не желаю об этом слышать, – прошипел старпом напоследок и ушел с бака, чуть не забыв потушить сигарету.

– Ну вот... а я еще хотел про Дордрехт спросить, – огорчился я.

Когда капитан сообщил, что мы идем в Дордрехт, Рамсес вздрогнул:

– Вы помните, какой сейчас месяц? Там же река.

– Не волнуйтесь, я помню, – успокоил его капитан.

С того самого момента меня и терзало любопытство, но повода узнать все не было.

– Он бы не сказал, – равнодушно затянулась Джо. – У него вроде бы фобия – он иногда рек боится, старается даже из каюты не выходить.

Иногда мне кажется, что на этом корабле у меня одного нет никакой тайны, хотя бы не очень страшной.

Ветер дул ровный и сильный, «Гончая» бежала, как... гончая на нетуго натянутой сворке, делая узлов по семь, и Дордрехт все приближался. Рамсес не находил себе места, бродил

по кораблю, штудировал какую-то толстенную научную книгу и постоянно тискал кота, которого мы, кстати, назвали Морганом, предварительно выяснив у капитана, не встретим ли когда-нибудь в своих скитаниях грозного котовъего тезку. Капитан пообещал, что не встретим. Коту излишнее внимание Рамсеса не нравилось, и у того на тыльных сторонах кистей не проходили вспухшие царапины.

Книгу мы у него как-то стащили, но ничего в ней поняли. Была она, разумеется, о древнем Египте, что-то там про солнце в подземном мире. Был там, правда, интересный сюжет о змее, который пытается потопить корабль, и которого то ли бог, то ли царь, то ли просто каждый приличный древний египтянин должен убить, чтобы попасть в рай. Или чтобы солнце взошло – иероглифические подписи нам почему-то мало помогали, а перевод в книге был какой-то совсем странный.

Когда мы подошли совсем близко к месту своего назначения, Рамсес окончательно сошел с ума. Джо утверждала, что раньше с ним такого никогда не было, по каким бы рекам ходить не приходилось. Мы даже спрашивать перестали, в чем дело, решив узнать у капитана, поймав его в особенно хорошем настроении, или у самого Рамсеса в открытом море, когда он придет в себя.

– Сколько времени? – однажды спросил старпом, когда мы околачивались на мостике во время его вахты, не совсем доверяя ему корабль.

– Пятая склянка, – охотно ответила Джо.

– То есть седьмой час... – Рамсес желто побледнел. – Ребята, смените меня кто-нибудь пожалуйста на полчаса. Очень прошу!

Джо пожалала плечами и приняла вахту, а я повел его курить. Про часы в книге, кажется, тоже что-то было, и в каждый час происходило что-то свое. Впрочем, ничего хорошего не обещал ни один из этих часов, так что почему надо бояться именно седьмого, я понять не мог.

– Может скажешь наконец, что происходит? – поинтересовался я, вручив ему зажженную сигарету.

– Я расскажу, но потом, – умоляюще посмотрел он, – накликаю боюсь.

В тот раз он ничего не накликал, и, когда пробило шесть склянок, резко оживился и вернулся на вахту.

Ночью корабль вел капитан, и бояться чего-то было бы странно. Мне не спалось, и я вышел на палубу еще до рассвета, часов в шесть. Легкий туман укутывал корабль, и из-за него, да еще из-за того, что матросы капитанской вахты двигались практически бесшумно, стояла полная тишина. Поэтому когда капитан негромко окликнул меня, я его услышал.

Капитан на мгновение оторвался от приборов, на которые смотрел с большим интересом, и жестом пригласил меня присоединиться. Я послушно уставился на экраны и сразу же понял, что заинтересовало Кэссиди. Взбесившийся эхолот утверждал, что Маас мелеет с невероятной скоростью.

– Рамсес? – коротко спросил капитан

– Спит.

– Интересно... – недоуменно нахмурился капитан и велел: – Разбудите немедленно!

Рамсес в самом деле спал, с головой забравшись под одеяло, и в первый миг после пробуждения даже попытался меня ударить.

– Капитан зовет! – шепотом распорядился я, и старпом мгновенно вскочил и еще быстрее оделся.

– Смотрите, Рамсес, – указал на эхолот капитан и улыбнулся, – Придется вам все-таки с этим разбираться.

– Есть, – кивнул старпом, мгновенно становясь спокойным и собранным впервые за прошедшую неделю, но тут вахтенный матрос отбил шесть склянок, и вода в Маасе стала столь же стремительно прибывать.

– Завтра в шесть. – Приказал капитан. – И Джо позовите, ей будет интересно. А больше никого не надо, пожалуй.

День миновал спокойно, в том числе и вахта Рамсеса, который снова сделался уравновешенным и почти невозмутимым, но категорически отказывался что-либо нам объяснять, утверждая, что скоро мы сами все увидим. В полночь, сменившись, он ушел спать, прихватив с собой недовольного Моргана, а мы с Джо, не в силах ждать скорой развязки, решились спросить у капитана заранее.

– Прошу прощения, господа, но это не моя тайна, – развел руками капитан, – а кроме того, я и сам всего не знаю. Подождите немного, а лучше всего идите-ка спать до утра.

Делать ничего – мы дисциплинированно разошлись по каютам. Я даже заснул, настолько велика оказалась волшебная сила приказа. Однако в половине шестого утра мы снова вышли на палубу. Живая часть экипажа мирно дрыхла, ибо была не в курсе происходящего – плачевное состояние старпома мы от них удачно скрывали; а вот капитан от своих, по-видимому, ничего не скрывал, и его матросы потихоньку бросали дела и сходились к мостику, чтобы не пропустить кульминацию.

Рамсес появился за пару минут до шести. Серьезный, подтянутый, тщательно выбритый, при своем прекрасном кинжале. Видать, что-то важное сегодня творилось в его судьбе. Нарушал торжественность момента только Морган, который крался за старпомом в классической манере Тома, в очередной раз охотящегося на Джерри.

В тишине предвкушения прозвучали склянки, и я внутренне сжался. Напряжение не успело еще стать ощутимым, когда капитан быстрее обычного спустился с мостика и подошел к правому фальшборту. За ним рванулась вся команда, так что «Гончая» заметно накренилась. Рамсес бросил взгляд за борт и махнул рукой:

– Знакомьтесь, господа, змей Апоп.

Змей был огромен. Свитый в тысячу узлов, он не уступал по длине «Гончей», а каков бы он был, если бы его развернуть, я не смог даже представить. Если бы Рамсес не назвал бы его по имени, я решил бы, что вижу Йормунганда, не меньше. Все бесчисленные кольца его гладкого тела сверкали ярким золотом, переливавшимся при малейшем движении. А двигался он непрерывно, извивался, перетекал, отбрасывал золотые блики, несмотря на отсутствие солнца, и при этом пил воду Мааса, или впитывал ее всей кожей, но уровень воды в реке понижался неуклонно и быстро.

Он поднял голову, выставив ее из воды, и посмотрел на нас. У змея оказалась треугольная хищная морда и... ядовито-синие массивные брови, которыми он кокетливо подвигал, ошутив внимание публики. Нелепый мультяшный жест рассмешил всех, даже капитан неожиданно закашлялся, прикрыв рот перчаткой, но змей снова нырнул, и золотое мельтешение в убывающей воде было самым прекрасным, что я когда-либо видел: текущая вода и огонь, и на то и на другое можно смотреть вечно, тягучий золотистый танец, переливы жидкого металла...

– М-мр-ря? – громогласно спросил Морган, вспрыгнувший на планширь.

Змей смутился – или испугался? – и замер. Я очухался. Рядом сжимала виски пальцами Джо, терли лица матросы. Только Рамсес все еще смотрел на змея, но не зачарованно, а тоскливо.

– Прошу вас, Рамсес, – капитан сделал широкий жест. Он был явно недоволен собой.

Рамсес кивнул, не отрывая взгляда от змея. Размашисто перекрестился, отбросил в сторону драгоценные ножны и нырнул. И не было никакой смертельной схватки, вода не вскипела расплавленным золотом, не сжались жесткие кольца, не раздалось шипение разъяренного

чудовища. Змей дернулся всего пару раз, в явной агонии, как будто кошачий голос лишил его воли и сил.

Рамсеса мы вытащили сразу же. Он влез на палубу, мокрый, как рыба, и злой, как белый кит, и тут же велел:

– Змеюку не потеряйте, пригодится.

– Зачем? – удивился кто-то из матросов.

– Сумочек, бля, нашьем и продавать будем, – Рамсес развернулся к нему всем корпусом, и движение вышло угрожающим, – Делай, что сказано.

– А что это вообще было? – осторожно спросила Джо.

– Хтоническое, мать его за ногу тройным перебором, чудовище, – энергично пояснил старпом и, слегка умерив тон, обратился к Моргану: – спасибо тебе, котище. С меня большой кусок мяса.

– Простите, но он-то здесь причем? – поднял брови капитан. Кажется, он был удивлен не столько змеем и ролью кота, сколько выражениями, которые употреблял Рамсес, никогда не позволявший себе подобного ни при женщинах, ни при старших по званию.

– Солнечный кот – народное египтянское средство от змея Апопа. – Рамсес все никак не успокаивался, и это было непонятно.

– Чего ты теперь-то злишься? – попытался выяснить я

– Чего? Я?! Злюсь?! – переспросил Рамсес – не понимаешь?! Вот чего! – и швырнул что-то на палубу. Это оказалась серебряная рукоять кинжала с обломком клинка не длиннее дюйма.

– В Египте на эту тварь ходили с бронзовым ножом! Ни хрена п-полезного не изобрело человечество за последние три тыщи лет! – Потом подумал и уточнил: – Разве что христианство.

Сага об исландцах

*...люди не решились жить на этих землях из-за того,
что Торольв Скрюченная Нога вставал из могилы и сильно
разгулялся.*

Сага о Людях с Песчаного Берега

В Исландию мы шли с простой и невинной целью заработать. Программа наша была коротка: красиво покатать народ на паре праздников, вроде бы там как раз день независимости в Рейкьявике намечается. Ну, может быть, посмотреть на какой-нибудь вулкан. Так что ничего интересного от этой ледяной страны мы не ждали. Что, впрочем, не мешало нам незатейливо развлекаться за ее счет:

– Хваннадальснукюр, – зачитывала Джо по слогам и все дружно принимались ржать.

– По-моему, Брюнхоульскиркья внушительнее, – возражал Рамсес, вырвав у нее из рук карту.

Я помалкивал. Понятно, что англичанке Джо и Рамсесу, в чьем родном языке вообще все слова состоят из трех букв, исландский мог показаться смешным, а уж соскучившейся команде тем более, но мне ничего веселого найти в нем не удавалось.

Мы втроем сидели на баке в компании свободных матросов капитанской вахты. В светлой летней ночи матросы выглядели непривычно, как-то маломатериально, что ли. Удивляло даже, что вполне земные веревки или трубки с обычным табаком – курили мы все вообще из одной пачки – не проходят сквозь полупризрачные руки. Хотя, наверное, я несправедлив. Уровень образования среднего матроса семнадцатого века таков, что смешнее слова «Мирдалсьокудль» действительно может показаться разве что слово «жопа», а уж шутки офицеров смешны по определению, а то мало ли что. Но вот мне как-то уже надоело. Я отвернулся и уставился в сторону, в океан. Атлантика казалась бесконечной и почти гладкой серебристой равниной, чуть подсвеченной так и не зашедшим, несмотря на поздний час, солнцем. Только далеко, почти у самого горизонта, что-то темнело, нарушая эту первозданную гладкость. Я нашарил бинокль, наткнувшись при этом рукой на руку кого-то из ночных матросов и мимоходом удивившись – рука как рука, только чуть холоднее человеческой, но никакого призрачного киселя, и посмотрел на горизонт.

Я не сразу понял, что это. Кто-то живой, точно. Дельфин, что ли? Помнится, в свое время я безумно удивился, впервые увидев дельфинов у берегов Норвегии – всю жизнь был уверен, что они живут только в теплых морях. Но присмотревшись, я понял, что нет, не дельфин. Над водой торчала круглая голова, обладатель которой явно энергично двигался. Ну не собака же это? Откуда взялась собаке посреди океана? И тем более не человек. Я даже вспомнил экран AIS'a, на который смотрел совсем недавно перед сменой вахт – не было рядом с нами судов, с которых кто-то мог свалиться. А морские обитатели плавают по-другому.

Подумав чуть, я бросил непотребно ржущую компанию на баке и пошел к капитану. Вдруг все-таки человек, унесло какую-нибудь лодочку, а потом и опрокинуло.

– Сэр, разрешите доложить. Там милях в полтора, кажется, кто-то живой в море.

– Хорошо, давайте посмотрим, – кивнул капитан и вскинул бинокль. Потом опустил и тяжело посмотрел на меня. Так, что я срочно пожелал, чтобы палуба разверзлась у меня под ногами.

– Это тюлень, Рудольф, черт побери. В следующий раз вы про рыбу решите мне доложить? Вы же не чувствительная барышня, в конце концов, чтобы тыкать пальцем и восторженно визжать «ах, какой хорошенький» в надежде привлечь к себе мое внимание. Если вам до такой степени нечем заняться, идите учитесь – разберитесь, в том числе, о чем положено

докладывать вахтенному офицеру. Господи, мой – мой! – собственный штурман тюленя в море боится.

– Слушаюсь, сэр... Извините, сэр... Разрешите идти, сэр? – на моей памяти это была одна из самых эмоциональных речей капитана, и я здорово струхнул.

– Идите, – буркнул капитан.

Я ретировался с невежливой поспешностью и с горя пошел спать.

С утра тюлень оказался на месте – на том же расстоянии от корабля, разве что чуть ближе. Вот ведь делать нечего животному, купается в открытом океане целыми днями. Или это уже другой? Мне, правда, тоже делать было особо нечего – шли мы одним галсом, под идеально настроенными капитаном парусами, море было спокойным и удивительно пустым, ни одного судна на пять миль в окружности. Так что со скуки я задумался о тюленьих повадках. Вспомнил, правда, только массовую истерию по поводу забоя бельков. Ну и еще мне упорно казалось, что тюлени – животные вообще-то сухопутные, и так далеко и надолго в море не заплывают, но вот же оно, живое подтверждение в полутора милях плещется.

Вахта тянулась уныло. До Рейкьявика оставалось еще дня три, если ветер не переменится, шли мы узлов шесть, как обычно, под одними парусами, не тратя горючку. День был серенький, матросы частью расползлись по палубе, частью завалились спать, а я скучал, сидя рядом с рулевым и поминутно смотря на Garmin – не то чтобы в этом была нужда, но хоть какое-то развлечение. Рулевой был хорош – «Гончая» не отклонялась с курса ни на градус. Ветер тоже был до отворачивания ровным, без порывов. Шесть узлов и все тут.

Стоп. Шесть узлов. И тюлень уже не меньше десяти часов держит такую скорость и даже умудряется потихоньку приближаться? Что это за тварь, черт побери? И почему он мне так в душу запал? Я снова засомневался – а вдруг и это для тюленей нормально? И спросить не у кого. Так я мучился скукой и неизвестностью еще два часа, когда меня пришла менять Джо.

– Ты что-нибудь про тюленей знаешь?

– Ты имеешь в виду красивых американских мальчиков в беретах? – уточнила она.

– Нет, мокрых и бесформенных зверей.

– Тогда ничего. Но попробуй спросить у Бьорна, у них в Норвегии наверняка тюлени водятся.

Матроса из вахты Джо не только звали, как героя саги, он и выглядел, как викинг с картинки.

– Тюлени в открытое море заплывают?

– Конечно нет, сэр. – Удивился викинг.

– А это тогда что такое? – я рассказал ему про плывущего за нами тюленя и вручил бинокль.

– В принципе, я читал, что колдуны могут в тюленей превращаться, – неуверенно припомнил Бьорн.

– Слушай, а точно, – вмешалась Джо, – они, по-моему, селки называются, ирландская или шотландская тема.

– А от нас он чего хочет?

Общими усилиями мы вспомнили, что в северных сказках эти самые тюлени обычно принимают человеческий облик и выходят замуж за честных рыбаков. Правда, заканчивается это обычно плохо.

– Отлично, – подытожил я. – За нами плывет потерявшая всякий стыд девица, которой так надо замуж, что она готова в буквальном смысле гоняться за мужиками. Рамсесу предложить, что ли? Или Алану?

На этом и сошлись и я со спокойной душой ушел пить кофе – честно говоря, за вахту я здорово замерз. А меж тем тюлень продолжал и продолжал плыть в нашу сторону, медленно,

но все же приближаясь. Уверить себя, что это обычное животное, как-то уже не получалось. Судя по скорости сближения, через сутки он нас догонит. И что тогда? Если это какая-то местная чертовщина, то не замуж же она хочет в самом деле?

В попытках отвлечься – ну стыдно взрослому мужику, офицеру, бояться безобидного зверька – я откопал у себя в каюте сборник исландских саг, с которым безуспешно сражался, чтобы хоть как-то подготовиться к Исландии. И очень зря, как оказалось.

Потому что рассказ о тюлене с человеческими глазами, преследующем корабли, меня мало порадовал. Хотя бы потому, что это на самом деле не тюлень, а оживший мертвец, не имеющий по отношению к нам никаких добрых намерений. Дочитав сагу, в которой сообщалось, что после ряда жертв герой все-таки сумел отрубить мертвецу голову, исполнив для этого несколько сложных церемоний и реверансов, я пошел делиться информацией с Рамсесом. Правда, для этого пришлось его разбудить.

– Ты про драугов слышал когда-нибудь? – начал я издали, чтобы не впасть в панику слишком быстро.

– Слышал, – зевнул недружелюбно настроенный старпом, – судя по книге, которую ты притащил, ты о них тоже только что узнал. Тебя так поразила эта информация, что ты счел возможным меня разбудить?

– Нет, просто за нами уже целые сутки плывет тюлень, постепенно приближаясь. А драуги могут превращаться в тюленей и гоняться за кораблями. Чтобы утопить или чтобы убить команду... – я с отвращением почувствовал, что у меня дрожит голос.

– Ну, половину нашей команды просто так не убьешь, – машинально возразил Рамсес, – так что не бойся настолько явно. Кэп в курсе?

– Кэп меня вчера с этой мыслью послал далеко и надолго.

– Пошли посмотрим, что ли.

Тюлень – или драуг? – куда не делся. Более того, скорости он явно прибавил, и расстояние начало сокращаться быстрее.

– М-да, – высказался Рамсес, опустив бинокль. – Драуг не драуг, но фигня какая-то точно. Пойду капитану доложу. Не вернусь – поставьте свечку.

Вернулся Рамсес быстро и коротко сообщил, что капитан разговаривать о тюленях не пожелал, присовокупив к решительному отказу предложение немедленно вспомнить, что мы мужчины, иначе он за себя не ручается. Я обрадовал его дополнительно: оказалось, белокурый викинг Бьорн уже успел взбудоражить всю команду, и над палубой повисло отчетливое напряжение. Хорошо еще, что капитанской вахты мы не увидим до самой ночи: уж суеверные моряки семнадцатого века превратили бы напряжение в настоящую панику. Или наоборот?

Драуг приближался.

– Увались немного, – нервно велела Джо рулевому – на мостике столпились уже все, кто не спал. – И вообще, давайте-ка все на брасы. А то я не мужчина, мне можно.

«Гончая» послушно дрогнула, по-новому подставляя паруса ветру, и заметно прибавила скорости.

Драуг последовал ее примеру. Последние мысли на тему того, что это обычный тюлень, испарились.

– Джо, позволь, – мягко попросил Рамсес, одновременно жестом выгоняя рулевого из-за штурвала.

Несколько коротких команд, снова перенастроенные паруса – и корабль полетел птицей. Бесплезно.

– Может, движки⁸ врубим? – задумчиво предложил старпом, кивнул сам себе и объявил по громкой связи: – Механику подняться на мостик.

⁸ По современным законам все парусные суда, в том числе и исторические, должны быть оснащены двигателями.

– Да тут я, – сообщил механик, и в самом деле обнаружившийся здесь же, в плотно сбившейся кучке матросов.

– Заводите движок. – Рамсес оставался каменно спокойным, но он был такой один.

А когда тюлень послушно увеличил скорость до шестнадцати узлов, занервничал и Рамсес. Судя по всему, до встречи оставалось около трех часов. Не скажу, что это были лучшие три часа в моей жизни. Места и занятия я себе не находил, разве что пришлось разнимать одну драку. Кто-то из девчонок плакал. Джо сидела на палубе, машинально вязала «кровавые» узлы, отматывая шкимушгар прямо от бухты и смотря куда-то вдаль. Кажется, одновременно она разговаривала с кем-то невидимым. Рамсес молча стоял за штурвалом, по-прежнему спокойный, только на смуглом лице проступил коричневый румянец. Тоскливый, холодный ужас повис над палубой «Гончей». Ожидание изматывало физически, неизвестность подошла слишком близко и оказалась совсем не такой привлекательной, какой кажется из теплой устроенности.

Около семи вечера, значительно раньше, чем обычно, появился капитан. И прежде всего скомандовал строиться.

– Что здесь происходит, господа? – холодно поинтересовался он. – Прошу доложить четко и по делу, без слез и вариаций на тему «хочу к маме».

Как всегда, он оказался прав. Облегчение, нахлынувшее при его появлении, было сродни именно облегчению при появлении мамы – ну как же, при ней ни одно чудовище из-под кровати не вылезет.

Выслушав мой сбивчивый доклад, он вздохнул, еще больше каменея лицом:

– Рудольф, я, кажется, велел без соплей. И в будущем я не желаю видеть, как моя команда убегает на всех парусах. – На этом он повысил голос: – К повороту оверштаг!

Заложив неширокий вираж, «Гончая» развернулась. Теперь мы шли прямо на нашего преследователя, слегка сбросив скорость.

– Спускайте шлюпку, Рудольф, – велел капитан. – Попробуем выяснить, чего от нас хотят.

Общаться с другом выпало, разумеется, мне самому. И спускаться в шлюпку оказалось много, много легче, чем маяться на борту.

Мы встретились в море – глянцево блестящий черный «зодиак» и глянцево блестящий черный тюлень. Глаза у него и в самом деле оказались человеческие – большие, светлые, в длинных ресницах. А еще через секунду, глянув на меня этими глазами, он превратился в человека – молодого крепкого парня. Я подал ему руку – я давно уяснил, что страх против настоящей необходимости или хотя бы приказа практически бессилен – и он перевалился через борт. Шлюпка ощутимо просела, совсем не как под человеком. Лицо у него было иссиня-бледное, некрасиво заострившееся, а руки очень, очень холодные, с уродливо отросшими ногтями. Поэтому я предпочел не заводить бесед и вывернул руль в сторону корабля.

– Мне бы с капитаном вашим поговорить, – хрипло, скрипуче сказал друг.

– Поговоришь, – пообещал я. В конце концов, капитан хотел того же.

Оказавшись на борту, он сразу же прошел на ют и вытянулся перед капитаном, безошибочно выделив его из толпы.

– Капитан... сэр... меня зовут Эйнар Арнорссон. Я много слышал про ваш корабль. Возьмите меня к себе в команду.

Капитан молчал, оглядывая друга. Долго молчал. Потом ответил:

– Почему бы и не взять. Только сутки без берега в ближайшем порту просидите вместе со всей командой. Чтобы больше панику на борту никто не разводил.

Penny Post

*А конверт и надписан уже, и закрыт
(не без помощи воска, смолы и огня),
силуэт голубка в уголке не забыт,
путевые издержки рассчитаны,
нарочный сел на коня...*

Михаил Щербаков

Большинство писем, которые мы получаем – как ни странно, электронные. Нет, ничего странного в этом, конечно, нет, скорость доставки давно сделала этот вид корреспонденции незаменимым, но почти все письма, попадающие на борт «Гончей», адресованы капитану, а тот факт, что он свободно обращается с компьютером, меня до сих пор поражает. Впрочем, второй по популярности способ попадания писем на корабль поражает меня еще больше. Не реже раза в неделю впередсмотрящий обнаруживает в океане бутылку, и каждый раз оказывается, что письмо в ней предназначено кому-то из членов команды. Иногда даже деловые письма приходят таким манером – в неуклюжих пластиковых бутылках с несмываемыми наклейками в голубеньких ракушках и даже марками – такие нелепые бутылкообразные конверты сравнительно недавно стали продавать в портовых городах Европы, особенно во время всяких фестивалей и регат. Ну а для капитанской вахты бутылочная почта – единственный способ получить или отправить письмо. Глядя на эти кривоватые бутылки мутного толстого стекла, изготовленные очень, очень давно, но почти новые, я никак не могу отделаться от суеверного страха. Кому пишут капитанские матросы и кто пишет им?

Бумажные письма бывают очень редко – да и куда их посылать, честно говоря? Офиса на суше у нас нет. Так что на бумажную почту могут потянуть разве что груды разноцветного глянцевого мусора, вручаемые участникам регат. Ну и всякие исключительные случаи, для «Гончей» являющиеся скорее нормой.

Августовская ночь где-то в Северном море выдалась тихой и довольно теплой. День был серенький и скучный, в воздухе висела мутная взвесь, из-за которой руки, лицо и одежда мгновенно промокали, влажная палуба скользила, и везде пахло мокрым деревом. Казалось бы, человеку, не любящему этот запах, нечего делать на деревянном паруснике, но я мокрое дерево искренне не люблю, ни на запах, ни на ощупь. Впрочем, к моей вахте потихоньку разъяснилось, от надраенной палубы даже пошел парок, и темнота наступила теплая и ясная.

Сдав вахту капитану, я никуда не ушел с юта. Растянулся прямо на палубе, застегнув куртку под горло, подложил руки под голову и уставился в небо. Темно-синее, какое бывает только в северном августе, и сияющее крупными звездами. Звезды слегка покачивались над головой, и, наверное, я бы тут и заснул, обрекая себя на безжалостные дружеские пинки за две минуты до построения, но тут меня тихо окликнул капитан:

– Рудольф, вы спите?

– Нет, сэр. – Я поспешно вскочил.

– Сейчас подойдет «Эксцельсиор» – примите шляпку, пожалуйста. И груз – нам должны привезти почту.

И действительно, валяясь на палубе, я пропустил подход «Эксцельсиора». Как и в прошлый раз, Летучий Голландец казался полуживой развалиной, был окутан голубым сиянием и внушал если не искренний ужас, то какую-то неуютность точно. А вот мысль о почте с этого корабля меня действительно пугала. Как известно, если вскрыть хоть одно письмо с Летучего Голландца, корабль немедленно пойдет ко дну. Казалось бы, пора перестать бояться старых легенд, если ты сам в какой-то мере превратился в одну из них, но от некоторых страхов родом

из глубокого детства избавиться все никак не получилось. Мало ли что... А судьбу капитана ван Страатена я в юности изучал всесторонне и глупостей о нем мог порассказать порядочно.

Матросы с голландской шлюпки бросили мне конец, и через минуту по штормтрапу поднялся капитан ван Страатен. Пожал мне руку, как старому знакомому, и сбросил на палубу тяжелый, блестящий от воды кожаный мешок.

Я переместил его поближе к грот-мачте, чтобы никто случайно не споткнулся, и проводил гостя на мостик.

– Рудольф, подмените меня на полчаса, пожалуйста, – попросил капитан.

Я кивнул и уселся на ют, сделав вид, что принял командование. Ван Страатен с капитаном спустились в штурманскую, оставив меня одного, не считая рулевого. Было скучно и, заметив на главной палубе Марту, я позвал ее к себе и попросил сварить кофе. Весь остальной корабль мирно спал, включая моих драгоценных друзей, а матросы капитанской вахты – не самые лучшие собеседники в большинстве своем, так что я весьма обрадовался тому, что Марта принесла не одну, а две кружки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.